

АКАДЕМИЯ МАГИИ

АННА ОДУВАЛОВА

НЕСМЕРТЕЛЬНЫЕ
ПРОКЛЯТЯ
ЛИЧНАЯ ПОМОЩНИЦА РЕКТОРА

Анна Сергеевна Одувалова
Личная помощница ректора
Серия «Академия Магии»
Серия «Несмертельные
проклятья», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67947849
Личная помощница ректора: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-172968-4

Аннотация

Что делать, если невезение следует за вами по пятам? Как быть, если карьера не сложилась, а личная жизнь не задалась? Конечно же, отправиться в магическую академию. Навести там порядок, приструнить шушеля, подружиться с личем, постараться не влюбиться в своего начальника и, самое главное, не вылететь с работы... А то мама уже наглаживает свадебное платье, а папа отбирает женихов. И это страшнее, чем ректор-тиран!

Переиздание второй части нашумевшей дилогии Анны Одуваловой! Хорошая история с веселым концом. Писательнице удастся погрузить каждого читателя в волшебный мир магии, любви и рабочих будней магической академии.

Содержание

Глава 1. Начальники бывают разные	5
Глава 2. Новая работа – старые заботы	27
Глава 3. Со страхами – лицом к лицу	50
Глава 4. Несмертельное проклятие	66
Глава 5. Личная помощница в действии	82
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Анна Сергеевна Одувалова
Личная помощница
ректора

© Одувалова А. С., текст 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Глава 1. Начальники бывают разные

Ну почему я такая невезучая!

Карета подскочила на очередном ухабе, и я снова припечаталась нежной филейной частью о жесткую деревянную лавочку. Выругалась и придержала цветочный горшок, боясь, как бы из него не выскочил Васус – наследство любимой бабушки и память о ней. Цветок ядовитый и с колючками, красный, с обманчиво приятным запахом и удивительно красивый. Я его возила с собой везде вот уже три года.

– Высший Управленческий Университет с отличием! – бухтела я себе под нос. – Рекомендации, билет в будущее... И все пошло прахом! И ведь даже винить, кроме себя, некого!

Я тряслась в карете, ругая себя, весь белый свет и несправедливое мироздание. Началось все тогда, когда меня, выпускницу Высшего Управленческого Университета, пригласили на должность пресс-секретаря к его светлости герцогу Влисскому. О такой удаче никто из выпускников даже мечтать не мог, я была горда невероятно и даже не предполагала, что счастье не будет долгим.

До сих пор считаю, что чашка кофе, пролитая на нежный зад его возлюбленной, – не моя оплошность. Просто не ожи-

дала я – юная и не искушенная делами любовными барышня – узреть герцога, запросившего кофе, в столь пикантной позе. А уж просьба подать поднос с напитком прямо на спину томно закатывающей глаза блондинке и вовсе виделась мне чем-то из ряда вон выходящим. Вот и дрогнула рука. А с кем не бывает?

Потом был барон Митерр – мужчина серьезный, увлеченный работой. Там я сама виновата: открыла ежедневник не на той страничке, записала встречу на день позже, сорвала важные переговоры и сделку. Страна потеряла миллиардный контракт, а я – работу.

Баронесса Тиррил сразу предупредила, что в личной помощнице ценит утонченность, стиль и пунктуальность. Надо ли говорить, что, торопясь на первую рабочую встречу, я упала в грязь, порвала платье и переодевалась в ближайшем магазине готовой одежды? В результате опоздала, и вид мой был далек от совершенства.

В агентстве по найму на меня уже смотрели не то с удивлением, не то с подозрением, но периодически подкидывали работу. Каждый раз вариантов становилось все меньше, но даже там задержаться не получилось. Пару раз я уходила сама по разным причинам, ну, или творила глупости, влипала в неприятности.

Закончилось все тем, что в последний мой приход из всех вариантов остался один. На мой взгляд, не очень и плохой. Единственное, что печалило, – нужно было переехать из сто-

лицы за город и стать личной помощницей ректора магической академии.

Это уже потом, когда я подписала контракт, мне сказали, что, во-первых, ректор – мужчина специфический и характер у него сложный. Долше всего проработала моя предшественница – полгода – и была уволена за неподобающее поведение. Говорят, хотела соблазнить. А во-вторых... если меня выгонят и оттуда, я могу идти работать куда захочу – мыть полы, выгуливать собак, а диплом прибить на стенку над кроватью и рыдать над ним перед сном, так как время на учебу было потрачено зря. И теоретические знания на практике мне помочь не способны.

За поворотом показался каменный забор и возвышающиеся вдалеке башенки академии. Флаг этого достойного заведения я разглядеть не смогла. Издалека он смотрелся странно, и расцветка у него была необычная – белая, в розовые точки.

Пока я размышляла, Васус почти выбрался из горшка. Он расправил стебель и тянулся алыми лепестками к занавеске, намереваясь сожрать.

– Фу! – цыкнула я и тихонько шлепнула ладонью по площадке.

Цветочек послушно занял свое место, приняв приличествующий растению вид. Только лепестки сложились таким образом, что лично мне виделся какой-то неприличный жест. Но я не стала заострять на этом внимание. Пусть те-

шится.

Я расплатилась с возничим, вытащила свой необъятный чемодан на вымощенный плиткой внутренний двор, смахнула со лба бисеринки пота и, стараясь принять полагающееся личной помощнице выражение лица, направилась к главному входу. Васус под мышкой немного смазывал впечатление, но класть его к вещам было чревато. Вообще цветочек у меня мирный, но когда скучал или злился, жрал все, что не прибито. Раньше он таким не был, просто после смерти бабушки характер испортился.

Во дворе было тихо, что и неудивительно – середина лета, пора отпусков и каникул. У меня впереди полтора месяца, чтобы вникнуть в дела, разобраться в обстановке и только потом столкнуться нос к носу с толпой диких студентов. В том, что студенты дикие, я даже не сомневалась. Сама не так давно закончила учиться. Управленцы в большинстве своем хитрые, подлые, но благовоспитанные, а вот про студентов-магов всегда ходили самые разные слухи.

По дороге я не встретила никого, лишь за спиной пару раз мелькнули тени. Они, видимо, приглядывались ко мне. Какие-нибудь магические охранники. Васусу они не понравились, и он клацнул зубами, едва не выпрыгнув из горшка. Пришлось остановиться и нежно почесать лепесточки. Цветочек завибрировал и тихонько заурчал – радовался.

Я толкнула дверь и сразу же попала в ад. Кто-то орал громко и так витиевато, что я оторопела. Жутко воняло краской,

создавалось впечатление, что в холле произошел какой-то неудачный магический эксперимент: лестница без перил, на полу – осколки плитки, серые стены в разводах, и все покрыто мелкой белой пылью от шпаклевки. До меня не сразу дошло, что это всего лишь ремонт.

– Эй, ты! Белобрысое недоразумение! – крикнули откуда-то со стороны, и я, прижав к груди цветочный горшок с Васусом, замерла словно испуганная мышь. Медленно повернулась и встретилась с пылающим взглядом демонических глаз.

– Онемела? Прием заявлений – со следующей недели! А сейчас – брысь отсюда! Не видишь – у нас ремонт! – грозно рыкнул мужчина. Он был высок, выше меня на голову, широк в плечах и страшен. Его перемазанная в краске физиономия не предвещала ничего хорошего.

«Вот почему эффектные мужики такие хамы и чаще всего обделены интеллектом?» – вздохнула я и решила: надо пожаловаться ректору, что у него работают до ужаса не воспитанные маляры.

Правда, будучи девушкой утонченной и вежливой, на месте я скандал устраивать не стала, лишь тихонько пискнула:

– Простите... но я... не...

– И герань свою дома оставь. Оригинальных ценят, но не до такой же степени? И проверять будут знания. Всем наплевать на то, что ты стащила с окна у бабушки герань. Тут нужны только знания. Все, беги давай, некогда!

Я опешила. Мужчина развернулся ко мне вполоборота, а противная скотина Васус, который никогда не умел себя вести, оскорбился, вытянул стебель (я даже не представляла, что он такой длинный) и попытался вцепиться грубияну в плечо.

Понимая, что вряд ли получится избежать катастрофы, я рванула горшок на себя. Хищные челюсти клацнули в миллиметре от грязной, покрытой побелкой рубашки. Пытаясь удержать равновесие, я отступила, споткнулась о свой чемодан и, испуганно взвизгнув, полетела на пол. Точнее, полетела бы. Не знаю как, но грубиян успел развернуться быстрее, чем я рухнула. Он хотел удержать меня за руку, но так как горшок я не выпустила, схватил за талию. Очередной писк вышел мышиным: незнакомец был мужчиной крупным и тренированным. Рабочим строительных профессий не нужно потеть в спортзале, тяжелый физический труд помогает держать себя в тонусе.

– Спасибо, – успела я шепнуть едва слышно, прежде чем Васус, про которого мы неосмотрительно забыли, извернулся и все же тяпнул незнакомца за руку.

– Вот же дрянь вонючая! – взвыл мужчина, но меня не отпустил.

Я отскочила остороженько сама и сразу доложила, чтобы не начали убивать:

– Если что, я не виновата и совсем не абитуриентка! Я личная помощница ректора! Меня трогать нельзя! Вот!

– Да ты что? – изумился мужик как-то очень уж отстраненно. Вероятнее всего – потому что прицеливался к моему цветку, даже рукава закатал. Но цветуй шипел и клацал зубами – голыми руками его не возьмешь.

– Не троньте Васику! – завопила я, пытаюсь спрятать горшок, и все же плюхнулась на зад в самую грязь. Похоже, с новым платьем придется попроститься.

Цветуй, почуяв опасность, сразу же притих, быстренько съежился и исчез в горшке с землей.

– Ты даешь имена растениям? – подозрительно тихо уточнил мужчина и посмотрел на меня как на сумасшедшую. Но руки почему-то убрал.

Допустим, не я, а бабушка, но ему-то какое дело? Хочу и даю!

Я уже набрала в рот воздуха, намереваясь отчитать нахала, но тут заметила, что в помещении стало удивительно тихо. За нами внимательно наблюдали и маляры, красившие стены, и толстая тетка на стремянке под потолком, и сухонький мужчинка в очочках, который показался из коридора.

Может быть, это и есть ректор? Тогда мне опять не повезло. Плохо, наверное, предстать перед будущим начальником на полу, в грязи, в обнимку с цветочным горшком.

Впрочем, все оказалось намного хуже. Мужичок в очочках осторожно подобрался к нам и очень вежливо и тихо пропел, обращаясь к сегодняшнему источнику моих бед:

– Герр ректор...

После этих слов меня сначала бросило в жар, а потом – в холод. Я едва удержалась от стога. С этим местом работы мне, видимо, тоже не повезло.

– Там опять проблемы... – Он несчастно покосился на меня, сглотнул и совсем тихо закончил: – С флагом академии...

Вид при этом мужчина имел потерянный и слегка смущенный. Я вообще сидела на полу ни жива ни мертва и даже попыток встать не делала. Зачем, если можно попрощаться с мечтами о безбедной жизни? Придется возвращаться в отчий дом и выходить замуж за какого-нибудь сына мясника. Никто другой меня точно не возьмет. Возраст не тот, и с везучестью проблемы. Да и по дому я делать ничего не умею.

– Вот же лохматый гаденыш! – взорвался ректор, добавил пару непечатных фраз и кинулся к выходу.

Я, пискнув, отползла с дороги и снова привлекла к себе ненужное внимание. Ректор замер, посмотрел на меня так, словно я была раздавленной лягушкой, и скомандовал:

– И эту... с геранью... кто-нибудь устройте! Сейчас совсем не до нее! Кто у нас самый свободный?

– Конечно, профессор Сазейр. Он же у нас не может марафты, это мы – простые смертные – отдуваемся, – пробухтела полная женщина, которая опасно покачивалась на стремянке.

Я бы на ее месте, с таким-то весом, поостереглась лазить по верхотуре.

– Вы бы не возмущались, герра Сибилла! А то обзавидова-

лись тут! Я вам мигом организую все условия, которые есть у профессора.

Женщина ойкнула, с трудом удержала равновесие и тут же замолчала. Интересно, чего она так испугалась? И что это за профессор такой, который может себе позволить бездельничать, когда все остальные работают?

– Кстати, найдите его кто-нибудь! – скомандовал ректор на ходу. – Пусть покажет тут все моей помощнице. А в пять вечера жду вас в моем кабинете! И ничего, богов ради, до моего прихода не трогайте! Знаю я вас! Все секретарши одинаковые: или сломаете что-нибудь, или потеряете! Все, свободны!

Я не сразу поняла, что последняя часть фразы относится ко мне.

Едва ректор скрылся за дверью, движение возобновилось. Мужчина в очках кинулся обратно в коридор, видимо, разыскивать профессора. Тетка посмотрела по сторонам и, изогнувшись на стремянке, повернулась ко мне.

– Боги слышали мои молитвы! Девонька, доработай хоть до сентября, а? Дольше-то не прошу. Вижу же: ты нежная, воспитанная... Не приживаются у нас такие. – Она вздохнула, подумала и добавила: – Да никакие у нас не приживаются. Характер уж больно у нашего ректора дурной. Да и условия работы тяжелые, а ведь никаких надбавок.

Я собиралась возразить, но не успела, так как мне навстречу в темно-алой профессорской мантии вышел самый

настоящий мертвец.

– Вставайте, – скомандовал он и протянул ко мне костлявые руки. В провалах глазниц полыхало пламя, тонкая кожа обтягивала впалые щеки, а беззубый рот скалился.

Я не смогла даже завизжать, просто покрепче прижала к себе Васуса и отключилась.

* * *

Висеть было неудобно, поэтому я, наверное, и пришла в себя. И еще – от тихих голосов над ухом.

– Куда вы ее тащите?

– А что вы предлагаете, герра Сибилла, ее там, на осыпавшейся штукатурочке оставить валяться? Сейчас этот дикобраз придет. Кому достанется?

– Всем, – обреченно отозвался женский голос.

– Вот именно – всем! Нужно убрать следы. Сделаем вид, что все пошло по плану. Может, и не вскрыется.

– Может – да, а может – нет... – проворчала герра Сибилла. – Осторожно! – завопила она (видимо, наша процессия едва не налетела на что-то). – Герань-то! Герань заберите! А то расстроится девочка. А так, может, хоть чуток у нас работает!

– И что же молодежь такая впечатлительная пошла! – пробухтел лич где-то над ухом.

Его голос я узнала и открывать глаза передумала. А когда

до меня дошло, что за руки меня тащит именно он, я едва не заорала, но предпочла обмякнуть и не подавать признаков жизни. К счастью, за ноги несет явно кто-то живой. Или у них тут стадо умертвий бегают?

Открыла глаза, только когда меня положили на что-то мягкое, подоткнули подушечку, повозились справа у уха, повздыхали.

– Умаялась деточка, – умилилась герра Сибилла.

Через секунду хлопнула дверь. Ни на одном месте работы коллеги так радушно меня не встречали. И почему все так хотят, чтобы я осталась?

Я открыла глаза и резко села.

К счастью, Васус был здесь: стоял на подоконнике и меланхолично жевал соседний цветок. Я шикнула, отругала и шлепнула по горшку. Цветуй демонстративно сжался, задрожал и попытался спрятаться.

– Не придуривайся! Сейчас только уйду, снова примешься за старое.

На тумбочке у кровати лежал листок с какой-то пентаграммой и ключ-жетон. Я так и этак повертела бумажку и все же сообразила, что кривые линии – это коридоры, а красный жирный крест где-то вверху, вероятнее всего, кабинет ректора. Кто-то добрый над крестом пририсовал череп – очень обнадеживающе.

Я уже более-менее пришла в себя. До встречи оставалось время принять душ, переодеться и обдумать сложившуюся

ситуацию. Распаковывать чемодан я не стала, только достала сверху темно-серое строгое платье. Я помнила о судьбе своей предшественницы и решила не испытывать удачу – гардероб подобрала скромный. Сейчас, правда, не была уверена, что мне это поможет. Попрет меня ректор взашей за утреннее представление. Хотя я-то тут при чем? Это все Васус.

Цветуй все же пришлось убрать с окна, пока он не успел доесть бедненькое и без того хиленькое растение в соседнем горшке.

Мне выделили очень приятную комнату – даже не скажешь, что в ней кто-то жил до меня. Как в номере хорошей гостиницы, здесь были уничтожены все следы бывших жильцов.

Персиковый ковер. Большая кровать под балдахином, встроенный в стену шкаф, способный вместить все мои многочисленные вещи, и две двери. Одна – в душевую комнату, другая – в небольшую гостиную с диваном и камином. Просто, мило, уютно. Окна выходили на небольшую площадь и башенку. Странно, но флаг чудесным образом поменялся. Вместо белого – синий фон, на котором расправила крылья сова – символ мудрости и знаний. И никаких розовых точек. Может быть, мне просто с дороги померещилось?

Я приняла душ, переоделась и даже успела накраситься. Зеркало отражало миниатюрную блондинку. Мне говорили о том, что я красива, но это качество нужно девушке, если она мечтает выйти замуж, я же хотела сделать карьеру и быть

независимой. Я видела, во что превратилась жизнь мамы и сестер. Нет уж, кухня, дети и вышивка – это не то, чем бы мне хотелось заниматься круглосуточно. Поэтому я не то чтобы скрывала свою внешность, нет. Скорее предпочитала не акцентировать на ней внимание. Светлые серебристые волосы собирала в гладкую прическу, носила строгие платья с высоким воротником-стойкой и никогда не пользовалась яркой помадой – акцент делала на глаза.

Единственное, что не удавалось замаскировать, – возраст. В свои двадцать четыре я выглядела студенткой. Неудивительно, что ректор принял меня за абитуриентку. Но тут я ничего поделать не могла, да и не считала нужным себя старить.

Поразмыслив, я решила никого не подставлять и умолчать об обмороке. Вдруг это своего рода проверка на стрессоустойчивость? Остальные при виде ожившего мертвеца сознание не потеряли, значит, он здесь существо обыденное и придется привыкать. Демоны, я даже есть с ним из одной тарелки была готова, лишь бы меня оставили жить в этой комнате и работать в этом месте!

Когда-то я мечтала о политической карьере, но сейчас была рада и тому, что имею.

Чтобы не заблудиться и не опоздать, я даже вышла заблаговременно. Сунула под мышку Васуса, который на новом месте чувствовал себя явно неудобно. Брать его в кабинет к ректору после утреннего происшествия не стоило, но

и оставлять его одного я боялась. Теоретически цветуй мог уползти из горшка и забиться в какую-нибудь щель, а как любое растение, жить без земли и воды не мог. Поэтому пришлось рискнуть.

Как ни странно, кабинет я нашла без проблем, даже жетон подошел и никаких неприятностей не случилось. Я выдохнула. Аккуратно закрыла за собой дверь и остановилась, чтобы осмотреться.

Здесь был бардак. И не просто бардак, а бардак с большой буквы. Стопы бумаг, невымытые кружки из-под кофе, какие-то магические предметы и еще много всего, не поддающегося идентификации.

А на столе, за которым, предположительно, я должна была работать, лежали трусы. Большие – в них влезли бы я и моя соседка по комнате со студенческих времен – и очень странного фасона. Высокие, с рюшами и кружевами. Расцветка тоже радовала: белые, в крупную ярко-розовую клубничку. В общем, весьма странная и пугающая вещь. Если у ректора такой фетиш, пожалуй, я понимаю, почему тут никто работать не хочет.

Я прижала Васуса поближе к груди и задумалась. На меня сегодня уже орали, я получила приказ не трогать ничего до появления недовольного начальства, но сидеть рядом с *этим* тоже не хотелось.

Подумав, я поставила цветочек на подоконник рядом со столом и решила сделать кофе – это, по крайней мере, без-

опасно.

Не только себе, конечно, но и новоиспеченному начальнику. Вдруг проникнется и оценит если не качество напитка, то хотя бы чистоту чашек.

Выходила я буквально на пять минут, помыла чашки и налила в графин воды. В приемной обнаружила маленькую плитку с кристаллами – там можно было вскипятить воду. Ректор оказался эстетом и использовал только стеклянную посуду – никакого тебе презренного металла. Ставишь графинчик на магический кристалл, и нагревается сама вода, а не стекло. Очень удобно.

Возвращалась я бегом, под доносящиеся из кабинета нечеловеческие вопли. Увидев странную картину, я едва не лишилась рассудка. Сердце упало в желудок, а графин с водой – на пол, но я даже не заметила этого.

Мой цветучек дотянулся до милых ректорскому сердцу труселей и сожрал уже половину, даже больше. Из пасти торчали оборки одной штанины, а за другую с визгом и воплями цеплялось маленькое лохматое существо. Если память мне не изменяла, существо именовалось шушелем и являлось выходцем из тонкого мира.

Шушель истерил, верещал и пытался спасти труселя, мой цветуй не сдавался и спешно дожевывал свою добычу, а я стояла как столб, понимая, что, видимо, снова придется паковать чемоданы.

Наконец шушелю удалось отвоевать резинку с остатками

веселенькой ткани. Ругаясь на своем шушелящем языке, он забился в угол и принялся так жалостливо подвывать, что мне стало очень стыдно за невоспитанного и прожорливого Васуса, который давился, но все же упорно заглатывал остатки тряпки.

– Что за?.. – раздалось за спиной.

Я вздрогнула, сообразив, что пожаловал хозяин кабинета, и отскочила, зажмурившись. Было очень-очень страшно, потому как я понимала: сейчас будут убивать. По всей видимости, не только меня, но и Васуса, а цветочек я в обиду не дам.

– Твоя герань сожрала Труслея? – подозрительно тихо поинтересовался ректор, а я едва заметно кивнула, не открывая глаз. Руки дрожали, ноги подкашивались.

Чего я не ожидала, так это взрыва хохота, последовавшего практически сразу же.

– Что, твареныш лохматый? – со злорадством поинтересовался ректор. – Лишился своей игрушки! Так тебе и надо, погань пакостливая!

Шушель зашипел так громко, что я открыла глаза и успела метнуть чашку, которую сжимала в руке, в сторону гаденыша, нацелившегося на Васику. Реакция у меня всегда была отменная. Гаденыш увернулся, ректор, как ни странно, тоже.

Шушель распушился, заверещал и кинулся на меня. Я испугалась, но отступить и не подумала. Оттолкнула ректора, который занимал слишком много места, и пошла в наступление, вооружившись шваброй.

– Кыш! Пошел, мерзавец! – орала я. – Нечего где ни попадя свое имущество раскидывать!

Шушель вопил, шипел, но пробраться к цветку не мог, хотя и заходил с разных сторон. Мы, наверное, с ним долго танцевали бы, но ректор сделал едва заметный жест, и твареньш с верещанием исчез в стене.

– Думаю, сработаемся, – резюмировал ректор, когда я поставила швабру в угол и поправила выбившуюся из идеальной прически прядь. – Но герань свою береги. Он не отстанет.

– Так вы же его... того... – Я покосилась на Васику, который приобрел нежно-розовый оттенок, даже клубнички местами проступили.

– Это ненадолго. – Ректор сморщился, как от зубной боли. – Часа через два снова появится и какую пакость учудит на этот раз – неизвестно. Мы с ним почти полгода воюем, и пока счет не на нашей стороне.

– А...

Я не успела сформулировать вопрос, ректор и так понял, что хочу узнать, поэтому сам выложил занятную историю про шушеля и Трусея.

– Нет... с одной стороны, наверное, давно самому следовало их уничтожить... – задумчиво выдал он, рассматривая клочок веселенькой ткани в клубничку, которую не дожевал Васус.

– Трусы? – участливо осведомилась я, напоминая себе,

что личная помощница прежде всего должна уметь слушать. Нас так учили.

– Да, их. Но было жалко. Все же столько сил вложено... Душа... опять же, – задумчиво продолжил он и вздохнул. Между темными густыми бровями пролегла складка.

– В трусы? – Я сглотнула. Конечно, работу хотелось очень, но я не нанималась сиделкой к душевнобольному. Судя по воплям, которые ранее довелось слышать в коридоре, он еще и буйный.

– Да что вы заладили: «трусы-трусы»! – взорвался ректор, и я предусмотрительно отступила. – Да, трусы! Это самый сложный экспериментальный образец – пояс верности. Они удобные, натуральный хлопок, безопасные, гигиеничные... Исчезают, когда надо. Эта модель могла бы стать прорывом в артефактике. Я уверен, изобретение пользовалось бы спросом.

– А расцветка и фасон? – не выдержала я, все еще не понимая, зачем ректору академии пояс верности и при чем здесь шусель.

– Расцветка и фасон – отпугивающие! – совершенно серьезно заявил ректор и взъерошил короткий ежик волос. – Кого же на такие потянет? Да и ни одна современная, с позволения сказать, девица продемонстрировать не решится. Так что с расцветкой все нормально. Сам выбирал.

– И за что же вы так жену? – Я не выдержала и проявила женскую солидарность.

– Жену? – Ректор, казалось, искренне удивился.

– Любовницу? – ужаснулась я, осенив себя защитным знаком. Странный мужчина.

– Дочь, конечно же! – Кажется, мои предположения его оскорбили. – Она у меня... впрочем, вы сами будете иметь счастье с ней познакомиться в начале учебного года, если, конечно, не сбежите раньше. Лето она проводит с матерью. Должен же быть у меня хоть какой-то отдых. Она – стихийное бедствие! – Арион фон Расс закатил глаза, а мне как-то подурнело. Не думала, что у него есть дети. Не то чтобы мне это было интересно, но все же.

– А дочери у нас сколько? – поинтересовалась осторожно. Вдруг такие вопросы – табу.

– Восемнадцать, но Трусея я на нее надел в семнадцать, так как рыжая пакостница совсем отбилась от рук. Вы даже не представляете, что это такое! По степени причиненного ущерба она на вас похожа.

– Я не пакостница! Я благовоспитанная и очень скромная барышня!

– Да? – удивился ректор. – А сразу-то и не скажешь. Думал, только Кассандра может быть катализатором неприятностей, сама того не желая.

– Итак... – Я вернула разговор в нужное русло. – Вы надели на свою несовершеннолетнюю дочь пояс верности. Не будем углубляться в морально-этическую сторону вопроса, но что дальше?

Ректор и сам углубляться не хотел. Он поморщился, словно от зубной боли, и продолжил:

– Ну, Кассандра была бы не Кассандра, если бы не попыталась пояс верности снять. Ничего у нее не получилось – вполне ожидаемо. – На красивом, словно высеченном из камня лице появилась хитрая усмешка, которая очень быстро сменилась кислым выражением. Видимо, переиграть дочурку у незадачливого папаши не вышло. Следующие его слова подтвердили мои догадки.

– Она разозлилась и вызвала шушеля!

– Обратно отправлять отказалась? – Я понимающе кивнула.

– Если бы! У Кассандры одна, но большая беда – у нее все получается случайно! Еще с того времени, когда она ходила под стол пешком!

Это мне было знакомо. Правда, в мою жизнь нелепые случайности начали проникать не с детства, а с момента получения диплома, и привыкнуть к ним я так и не сумела.

– Шушеля она вызвала случайно, а он всегда появляется с определенной целью. В нашем случае формулировка: «Шушель их забери» касаето трусов сработала прямо. Целый месяц в академии творился ад! Не заставляйте меня рассказывать об этом позоре подробнее! Тогда первый раз в жизни я серьезно переживал, что меня снимут с занимаемой должности! Шушель охотился на Трусея! Кассандра от них избавилась, а этот поганец до сих пор их ворует, куда ни спрячь,

и вывешивает на флагшток вместо флага академии! Я снимаю, провожу ритуал изгнания, он снова ворует и вывешивает. Надо мной уже студенты за спиной смеются, а преподаватели страх потеряли и ржут в голос.

– Ну так сожгли бы их или выкинули! В чем проблема?

Я действительно не понимала сложностей моего нового начальника. Сейчас вопрос решился благодаря Васусу, но неужели нельзя было повернуть раньше что-то подобное?

– Во-первых, это значит сдаться и признать свое поражение перед мелкой гадючной тварью! Нет уж! Во-вторых, жалко – я, скорее всего, еще одни не создам, тогда был зол и не записал формулу. Все собирался попытаться повторить на досуге, но конец учебного года без личной помощницы – это ад! А в-третьих... – Ректор задумался. – Отберешь у этой твари трусы, которые она нежно любит, и что? Кто знает, как шушель будет мстить. А он будет, поверьте. И очень хочется надеяться, что вам и вашей герани, а не мне и моей академии.

– Ой-ой... – протянула я и покосилась на довольного Васика, который сейчас ничем не отличался от обычного цветка.

– Вот вам и «ой-ой», – передразнил меня начальник. – От позора вы меня спасли, но проблем прибавили!

– И что теперь делать?

– Работать, цветочница моя, работать! Вы же за этим сюда приехали?

Я едва заметно кивнула. Сколько получится продержаться на этой должности, одним богам известно. Но уже сейчас я могла сказать: скучно точно не будет. Впрочем, мне нигде скучно не было – неприятности находили меня сами.

Глава 2. Новая работа – старые заботы

В кабинет к начальству, который находился за дубовой дверью, я пошла вместе с довольно мурлыкающим Васусом после того, как убрала воду и осколки графина с пола. Оставлять цветочек один не хотелось, я помнила слова ректора про мстительного шушеля. Мало ли откуда появится мохнатый поганец и постарается обидеть моего питомца? Если с ним что-нибудь случится, я себе этого не прощу!

Арион фон Расс уже успел разместиться за своим столом. На секунду прикрыв глаза, я постаралась представить, что это наша первая встреча. Ведь она должна была быть такой. Точнее, почти такой – он сидит за столом и смотрит на меня с выражением вежливого интереса, и я захожу, вся собранная, причесанная и прилично одетая. Если исключить растрепанные волосы и мокрый подол платья (я все же облилась, когда уронила графин), а также Васуса под мышкой, все так и было.

Ректорский кабинет меня впечатлил. И не только тем, что беспорядок здесь царил такой же, как и в приемной, но и массой разнообразных и, наверное, опасных вещей. Чего здесь только не было! Магические шары, которые стояли рядом с географическими глобусами. Кубки за достижения, кальян,

множество мелких артефактов и бумаг.

– Вы там так и будете стоять? – раздалось ворчливое, и я посмотрела прямо перед собой.

Так получилось, что как следует разглядеть Ариона фон Расса я удосужилась только сейчас. Сначала приняла его за маляра, а потом просто была занята. Я уже отметила спортивное телосложение и сейчас снова убедилась в том, что ректор магической академии строен и подтянут.

Ректор поднялся мне навстречу. На нем были узкие темные брюки и обычная светло-зеленая рубашка, которая натягивалась на широченной груди. Казалось, слишком маленькие пуговички сейчас вылетят из петель. Ректорская мантия небрежно висела на спинке стула.

Я сглотнула и попыталась отвести взгляд. Не вышло. Интересно, студентки выстраиваются в очередь перед кабинетом? И в чьи должностные обязанности входит их отгонять? Очень надеюсь, не в мои.

– Как понимаю, разговаривать по делу вас в ваших университетах не учили! – язвительно заметил он, заставив меня испуганно вздрогнуть, и начал перебирать бумаги из моего личного дела. Вообще, он должен был это сделать раньше – тогда, когда одобрял мою кандидатуру. Впрочем, я сама сведения о нем прочла уже после того, как сказала «да» в агентстве. Похоже, впервые мне попался работодатель, которому я нужна не меньше, чем он мне.

– Так-так, а у вас богатый послужной список! – присвист-

нул он. – Я-то думал, вы только окончили свой вуз. И вы мне доказываете, что нежная благовоспитанная фиалка?

– Я не фиалка и не цветочница! – Я постаралась, чтобы мой голос звучал уверенно. – Меня зовут Эльмира фон Морр.

– Даже «фон»... – хмыкнул он, намекая на мое аристократическое происхождение, словно оно было чем-то постыдным. Сам-то?

– Обнищавший аристократический род? – деловито заметил ректор и снова вывел меня из себя. Удивительная способность.

– Почему же сразу обнищавший? – возмутилась я. – Да, наше состояние не так велико, но назвать нас обнищавшими?

– А зачем же вы работаете? – искренне удивился он. – Я могу еще понять магичек. Отчасти. На одной такой я был женат, вторую воспитал и скоро выпущу в люди. Все же, надеюсь, сначала замуж, а потом в люди, – задумчиво добавил он.

– Уже и кандидата, наверное, подыскали? – желчно осведомилась я, думая, как же ненавижу такое положение вещей. Бедная девочка, мне ее жаль. С таким-то отцом! Наверное, и отказаться не дали.

– А как же? – Он был явно горд собой. – И что самое приятное, они до сих пор считают, что нашли себя сами. Здорово ведь, правда?

Я не знала. Моего мнения никто не спрашивал и уж тем более не пытался сделать так, чтобы я думала, будто сама выбрала кандидата в мужья. Хорошо хоть, успела сбежать и поступить в университет, иначе сейчас бы подтирала сопли третьему, а то и пятому отпрыску.

– Так зачем вы работаете? – снова поинтересовался он. – Мужа ищете?

– Как раз нет! – Я разозлилась всерьез. – Мужа мне найдут и без моих усилий. У матушки с моих пятнадцати лет есть список. Длинный, занимает целый блокнот. Но я хочу быть независимой, самостоятельной и успешной женщиной.

– Получается пока не очень, – честно отозвался он, еще раз заглянув в мое дело, и заставил покраснеть. – Ваш список впечатляет. За три года вы сменили девять мест работы. Вы считаете, это нормально?

– За последние три года от вас сбежали десять секретарш, – парировала я. – И это тоже ненормально. Так что давайте закроем тему наших бывших и постараемся сработать.

– Не повод хамить начальству и ставить условия! – огрызнулся он, и я послушно закрыла рот. Впрочем, я давно поняла: молчать – не лучший вариант. Нервы портятся, а итог все равно одинаков. Можно молчать и вылететь, можно отвечать и так же вылететь. Поэтому когда ректор выдал: «Просто помните: если вас выгонят отсюда, то больше никто никуда не возьмет», – я не удержалась и ответила:

– Если вы выгоните меня, к вам никто не придет. А сейчас извините, я должна попытаться за беспорядком найти свою приемную. Уборщиков у вас в академии нет? Бюджета не хватает?

– Я не пускаю их к себе в кабинет! – рыкнул он и посмотрел на меня с такой ненавистью, что захотелось ойкнуть и сбежать, но я сделала над собой усилие и сдержалась. Начальник как собака – нельзя показывать свой страх, иначе так и будет пугать постоянно. А этот еще и укусить может.

– Очень грамотное решение! – снова не удержалась я, чем, похоже, окончательно вывела его из себя. – И сами не убираетесь? В мои обязанности это тоже не входит! Будем тонуть под горами мусора?

– В ваши обязанности входит все, что я пожелаю. И уборщиков я к себе не пушу! Не хватало еще, чтобы они мне все перепутали, криворукие дармоеды!

За следующие пятнадцать минут я поняла, почему никто тут долго не задерживался. Невинная фраза про уборщиков вызвала бурную и продолжительную реакцию. Арион фон Расс оказался в рабочих вопросах упрямым, скандальным и эгоистичным. И девочка из хорошей семьи Эльмира фон Морр обязательно спасовала бы, но вот Мира, которая повидала на своем веку целых девять неидеальных работодателей, как ни странно, смогла не только выстоять, но и немного отвоевать позиции.

Сошлись мы на том, что уборщики все же будут, но ра-

ботать станут под моим непосредственным контролем. После этого ректор изволили метнуть в меня папкой с документами, благополучно промазали и, возжелав кофе, удалились работать. А я закрыла дверь и перевела дух, очень сильно надеясь, что подобное не будет происходить каждый день, а закончится, когда пройдет время притирания друг к другу.

Первый рабочий вечер выдался суматошным. К тому, что мой начальник – несдержанный хам, добавилось понимание: он трудоголик и живет буквально на рабочем месте, как и все мы.

Арион фон Расс или тихо корпел над бумагами у себя в кабинете, или показывался на люди и начинал орать.

На уборщиков, которые тронули вот эту очень важную и опасную для несведущих статуэтку (а что тогда она делает здесь, на полочке, у меня под боком?).

На строителей – ну эти-то ладно, они, как всегда, сделали что-то не то и криво. Я бы и сама на них поорала.

На меня, потому что я была ближе всех, а пар выпустить хотелось, и далее по списку.

Сотрудники, работающие в академии, ходили на цыпочках и старались не попадаться начальству на глаза, поэтому и молились на меня. Я служила буфером между ними и ректором. Не сказать, чтобы такое положение вещей меня устраивало.

В итоге в комнату к себе я приползла в обнимку с Васиком уже после полуночи и рухнула без сил, стараясь не думать о

том, что завтра в восемь утра мне нужно стоять перед кабинетом ректора, улыбаться и делать вид, что я счастлива лицезреть недовольное начальственное лицо. Может быть, замуж и не работать – это все же не так плохо? Подобные мысли меня последние три места работы посещали нередко, но я их упорно гнала прочь.

Зато сегодня меня не выгнали, и это уже достижение. А еще я разобрала свое рабочее место, выкинула кипу ненужных бумаг и привела в относительный порядок кабинет ректора. На очереди стояли ведомости, перепутанные личные дела и еще целый шкаф, забитый бумагами. «Какими-то», – как пояснил ректор. Видимо, от этого пояснения мне должно было стать понятнее.

Приняв душ и переодевшись в любимую ночнушку, я забралась под одеяло, закрыла глаза и почувствовала себя самым счастливым человеком. По привычке посчитала, сколько еще осталось спать, и, опечалившись, что не так уж и много, моментально отключилась.

Доспать до утра мне не дали. Я вскочила, сонно хлопая глазами, потому что услышала повизгивания и шипение, раздающиеся со стороны окна. На подоконнике сидел шушель и пытался выпихнуть в распахнутое окно моего бедного Васика, который выпихиваться не желал и упорно цеплялся листочками за створки.

Я заорала на твареныша и кинулась на помощь. Шушель, чувствуя в моем лице угрозу, схватил цветочный горшок и

попытался сигануть вниз. Васик предусмотрительно сжался и постарался зарыться в землю, оставив только тонкие и гибкие отростки. Я в последний миг в прыжке ухватила шушеля за хвост и опасно свесилась вниз с подоконника.

Наглый поганец верещал и пытался вырваться, но, к счастью, не выпускал цветочный горшок. Васус с перепуга выпустил длинные лианы и зацепился ими за все, что можно, — за подоконник и за шушеля. И даже на мою руку намотался и сейчас несчастно пищал. Из ярко-алого в предрассветной дымке он стал грязно-розовым, и на лепестках начали проступать ягодки клубники. Не знаю, на каких инстинктах действовал цветуй, но, увидев знакомые клубнички, шушель восторженно запищал и вцепился в горшок сильнее.

Я держалась одной рукой за подоконник, а второй цеплялась за лохматый шушелев хвост и понимала, что сделать ничего не могу. Тварь с цветочным горшком была мелкой, но вертлявой и тяжелой. Как втащить шушеля и Васику обратно, я не знала. Поэтому пыжилась, пыхтела, с грохотом уронила цветочную вазу, попыталась свободной рукой поймать, в итоге едва не вывалилась из окна сама, завопила громче, но смогла удержаться.

Пузом я лежала на подоконнике, рукой хваталась за створки, ноги болтались в воздухе. Было очень страшно, но отпускать шушеля я не спешила. Ситуация была патовая. Ни туда ни сюда. А силы из-за неудобной позы заканчивались.

Шушелю тоже было неудобно. Он испуганно верещал и

болтался, но не делал никаких попыток заскочить обратно, хотя, возможно, просто не мог, так как передние лапы были заняты горшком с Васусом.

Мои вопли все же перебудили соседей, и треск двери за спиной заставил с перепуга вздрогнуть. Наверное, я улете- ла бы вместе с шушелем и цветуем, но кто-то схватил меня за ноги, потом за талию и бесцеремонно втощил обратно в комнату вместе с тваренышем и цветочным горшком. Я для порядка снова заорала, выдохнула и хотела отблагодарить.

Но шушель с визгом выпустил Васика (я едва успела пой- мать цветочный горшок) и сиганул за окно. Цветочек снова спрятался в землю, а я встретилась с гневно пылающими и очень знакомыми глазами.

– Вы! – припечатал Арион фон Расс, и я испуганно писк- нула. – Вы ходячая неприятность! Вы здесь всего ничего, но уже мешаете мне спать! Я вас завтра же отправлю обратно в столицу, предварительно надев на вашу бестолковую голову этот цветочный горшок с сумасшедшим растением! Сейчас четыре утра! Что вы себе позволяете?

– Эт-т-то не я... – писк получился слабым, мышинным. – Эт-то он! – Я показала за окно, туда, где скрылся шушель. – Простите, пожалуйста, я Васика спасала.

На глаза наворачивались слезы. Рано я радовалась, что продержалась хотя бы день. Похоже, сейчас меня и попрут. Было до невозможности обидно. Но не могла же я бросить свой цветочек?

Ректор что-то буркнул и отступил, видимо, немного остыв, а меня запоздало накрыло. Стыд и паника. Я стояла босая, с распущенными волосами. Из всей одежды на мне сейчас имелась серебристая, короткая и очень откровенная ночнушка – полупрозрачный пышный подол и кружево ручной работы на открытом лифе, выгодно подчеркивающим грудь. У каждой же девушки может быть слабость. Моей было белье. Сейчас я пожалела об этом, так как передо мной стоял монументальный, словно скала, сексуальный мужчина в одних домашних штанах. Сильная грудная клетка, рельефные мускулы, пресс, а в глазах – яростный огонь. Аж дух захватывало.

Я покрепче прижала к себе Васику и вздрогнула под взглядом, из которого внезапно начала испаряться злость, сменяясь чем-то другим, не менее опасным.

– Не знаю, какие цели вы преследуете. – Он снова сделал шаг вперед, и я, вздрогнув, прижалась спиной к подоконнику. – Но ваши крики в ночи, ваш откровенный наряд – все это заставляет мыслить в одном направлении. – Арион фон Расс улыбнулся и наклонился к моим губам, а я боялась даже вздохнуть, потому что и в мыслях не имела кого-то провоцировать. – У меня нет привычки заводить романы с секретаршами, но сейчас... – Он мечтательно закусил губу. – Я готов над этим подумать. Студентов не будет еще целых полтора месяца, а вы все равно дольше не продержитесь ни здесь, ни в моей постели.

– Да вы! – возмутилась я. – Как вы смеете?

– В чем дело, Мира? Вы рассчитывали на брак?

– Я рассчитывала на работу! – Возмущение клокотало в груди. – Меня не интересуют отношения!

– Да ладно! Кому вы врите? Всех интересуют отношения. Даже меня. Спокойной вам ночи. Или... – Он бросил раздраженный взгляд за окно. – Или доброго утра. Не опаздывайте. Я не люблю, когда меня заставляют ждать.

Он ушел, а я так и осталась стоять у окна. Из всех мерзких ситуаций, в которых я оказывалась за время работы, сейчас я попала в самую мерзкую. На меня запал начальник. Однажды такое уже случилось, но там я сопротивлялась без труда и, когда стало невмоготу, спокойно сбежала. Но в данный момент это место – моя последняя надежда, а Арион фон Расс непозволительно хорош. Но ведь я профессионал и ни за что не сдамся. Наверное, не сдамся. По крайней мере, очень постараюсь.

Сон не шел, и даже думать не хотелось о том, чтобы снова лечь спать. Кто знает, что может привидеться после ночного появления ректора! Поэтому я решила заняться чем-нибудь полезным. Привела себя в порядок, оделась в любимое темно-серое платье, придающее мне уверенности, забрала волосы в строгую прическу, разложила вещи по полочкам в шкафу и, прихватив Васику, который от голода приобрел насыщенно-малиновый цвет и кровожадно щелкал челюстями, отправилась на свое рабочее место.

Без казусов по дороге не обошлось. Васик, прежде чем я успела его оттащить, отхватил кусок висящей на доске почета грамоты, сожрал оставленное кем-то из уборщиков мыло с подоконника и одну резиновую перчатку. Я решила сбежать побыстрее – конечно, час еще ранний, но мало ли кому по утрам не спится, как и мне.

Я шла на рабочее место намного раньше положенного срока, но решила, что это не страшно. Следовало, во-первых, проявить сознательность и рвение в делах, во-вторых, делать все равно было нечего. Раньше начнешь – раньше закончишь, да и ректора я предпочла бы встретить, уже сидя на рабочем месте. За столом среди бумаг я чувствовала себя старше и увереннее. Ключ от приемной у меня был, а кабинет, насколько я помнила, начальник вчера не закрыл. А если и закрыл, ничего страшного, и в приемной дел невпроворот.

Не учла я только свою невезучесть. Подумала, что после феерического знакомства с новым начальником, сожранных Васиком экспериментальных Труселей и ночных экстремальных развлечений ничего страшного уже произойти не должно, но ошибалась.

Открыв кабинет, я водрузила на окошечко Васику, сунула ему в качестве перекуса скомканную бумажку, которую планировала выкинуть в мусорное ведро, и ринулась в помещение, которое занимал ректор. Если мне повезет, то успею разобрать бумаги в шкафу до его прихода, и можно будет наши контакты в течение дня свести к минимуму.

Дверь и правда оказалась не заперта. Я гордо шагнула внутрь и тут же застряла. Вокруг меня ничего не было, но я не могла пошевелить ни рукой, ни ногой. Попыталась повернуться. Кое-как у меня это получилось, но только вполоборота. Лихорадочно подергала руками и одну все же освободила. Но и шагу ступить не смогла. Так и замерла в дверях, словно подвешенная за ниточки марионетка. Справа от меня была полка с трофеями ректора – кубками, баночками с заклинаниями, слева – приемная.

– Вот же шушель! – прошипела я раздраженно. Подобное произойти могло только со мной, и ни с кем больше. Почему же так не везет?

– Нету его тут, – тоскливо отозвался кто-то из-за спины, заставив ойкнуть. Я испуганно задергалась, но никого не заметила и от этого испугалась еще сильнее.

– Тут только я...

Прямо передо мной сгустилось облако, явив взору печального призрака-охранника. Он походил на светло-серую, подрагивающую на ветру тряпочку с лицом унылого мужичка лет сорока пяти – пятидесяти.

– Это ты меня поймал? – поинтересовалась я, стараясь скрыть дрожь в голосе. Я слышала про призраков-охранников, но в немагических учреждениях, в которых мне довелось работать, таких не держали. И уж тем более я не попадалась в расставленные ими сети, поэтому переживала.

– Ага, я... – безразлично отозвался он и начал медленно

таять.

– Отпусти, а? – заканючила я. – Пожалуйста! Мне просто нужно взять документы вон из того шкафа.

– Не могу.

– Почему не можешь-то? – взвыла я. – Я здесь работаю! Отпусти!

– Так не начался еще рабочий день. Он с восьми и до... Ну пока герр ректор не изволит домой уйти. А сейчас рано. Нет еще восьми. Значит, ты тут пока не работаешь.

– Ну отпусти, что тебе стоит?! Я просто встала рано, вот и пришла! Больше не буду, честно-честно!

– Не могу, сказал же.

Призрак летал передо мной, печально заглядывал в глаза, вздыхал, но путы не снимал.

– Почему не можешь? – поинтересовалась я обреченно.

– *Этот* придет, орать будет, – заметил охранник.

Мне не нужно было пояснять, кто «этот», было и так понятно – ректор.

– Скажет: порядок во всем нужен. Сам мусорит, раскидывает все, а от других порядка требует! Знаешь, как тут тяжело работается?

– Да откуда же! – возмущенно фыркнула я. – Ты мне работать не даешь!

– Ничего. Узнаешь, – продолжил он как ни в чем не бывало. – Только привыкнешь к новому лицу, полюбишь, под график подстроишься – сбегает! Я бы и сам сбежал. Так кто

ж отпустит?

Призрак вздохнул и в задумчивости завис над ректорским столом. Мне его жалко не было. Хотел бы уйти – ушел бы. Только для таких, как он, это означает окончательную смерть. А призраки держатся за подобие жизни. Стонут, страдают, но и совсем уйти не желают.

Вместо этого я поинтересовалась:

– И долго мне торчать в такой позе? Неудобно, между прочим.

– Пока герр ректор не явится. Герр ректор ближе к восьми приходит и начинает ругаться. Кубками, бывает, кидается! Вот придет, проорется и отпустит тебя. Так что не переживай. Недолго.

– А может, без «проорется» как-нибудь? – с надеждой поинтересовалась я. – Отпусти, а? Давай мы забудем о том, что я сюда пришла? Сделаем вид, будто я просто начала разборку со своего рабочего места, а в кабинет ректора даже не совалась. Ну пожалуйста, нам же работать вместе!

– Не могу! – Темное колышущееся облако с лицом потемнело. Видимо, от злости. – Все думают: призрак-охранник – это никто! Его можно шпынять, даже в кубок засунуть, как джинна, и печатью гербовой заткнуть! Издеваются, как могут! А мне терпи! Не согласен!

– И кто над тобой так издевался? – ужаснулась я. – Ректор?

– Нет. Дочка евойная со своим недомагом.

– Почему недомагом? – уточнила я, понимая, что вникнуть во все хитросплетения жизни академии удастся несколько.

– Не знаю. Маг как маг, специалист по проклятиям хороший, а недомагом его господин ректор именует. Не любит, видимо. Или, наоборот, любит. Орет чаще всего. Даже чаще, чем на дочурку свою рыжую.

– И за что они тебя в кубок засунули?

Я поняла, что на волю меня не выпустят, поэтому решила пока развлечь себя и послушать рассказы призрака-охранника. Раз не получается сделать ничего полезного до начала рабочего дня, так хоть сплетни местные узнать.

– Мешал я им. Вот как тебе сейчас. Тоже в кабинет сунулись за какой-то надобностью. Я их просто напугать хотел, а они... Целые сутки потом взаперти сидел, пока ректор не выпустил, а в кубке темно, страшно и паутина. Знаешь, как плохо? Нет, не знаешь, ты же не сидела. Вот после того случая я всех неожиданных гостей паутинкой встречаю. Оно надежнее. И поговорить можно спокойно, иначе велик шанс получить заклинание в лоб и снова угодить в кубок. А герр ректор еще ругался потом на меня. «Какой же ты, – говорит, – охранник, раз с двумя недомагами не смог справиться? Никакой». Поэтому и тебя не выпущу.

– А я-то тут при чем?

– А все при том! Они недомаги, а ты вообще обычный человек. Если тебя упусти, достанется еще больше. Так что

сиди тут. Осталось не так уж и много. Часика полтора.

Я вздохнула и смирилась со своей судьбой. Очень не хотелось попадаться ректору на глаза в беспомощном плененном состоянии, но выбора никакого не было. Сейчас я, по крайней мере, одета не в прозрачную ночную сорочку. Если оставаться честной, мне вообще не хотелось попадаться ректору на глаза, но это мечты, которым сбыться не суждено. Я была настроена проработать здесь долго и плодотворно, вдруг наконец-то получится создать себе нужную репутацию, несмотря на все сложности и плохую карму.

Я смирилась со своей участью и так бы и висела мирно до прихода ректора, проклиная собственную невезучесть, если бы, повернувшись в сторону приемной, не заметила мелькнувшую возле зазевавшегося Васика лохматую пушистую тварь. Шушель! Вот почему он вздумал появиться именно сейчас, когда мой цветочек совершенно один, беспомощный стоит на окошке и тянется листочками к солнышку!

– Пусти! – крикнула я призраку и рванула из пут. Лохматый гаденыш уже потирал лапки и прицеливался к моему Васусу. – Кыш! – завопила я, пытаюсь прогнать демоненка, но ясное дело, он только мстительно хихикал, повизгивал и больше никак не реагировал. – Пусти же! – это уже призраку-охраннику.

– Не положено! – меланхолично отозвался он.

Я рванулась сильнее, схватила с полки первый попавшийся флакон и под вопль охранника: «Что же ты творишь?»

Нет!» – метнула его в шухеля, который пытался утащить мой цветочек.

Твареныш взвизгнул, бросил горшок на краю стола и попытался увернуться. В итоге флакон настиг его в полете прямо в центре приемной. Раздался звон стекла, шухель исчез в воздухе, а на полу в центре приемной образовалась темная лужица неизвестно чего.

Горшок с Васусом качнулся на краю стола, пошатнулся и под мой горестный вопль полетел на пол. Но вместо того чтобы разбиться, просто исчез, едва коснувшись мокрого пятна на ковре.

– Ну что ты наделала? – запричитал охранник у меня за спиной, а я пожалала плечами, надеясь, что все не так страшно, как мой тюремщик пытается показать. Только вот Васика жалко до слез. Куда он мог запропасться?

За следующие пятнадцать минут я извелась, издергалась в паутине, и даже призрак-охранник начал смотреть на меня с жалостью, впрочем, так и не отпустил. А я и не просилась больше. От него я узнала, что именно было в бутылочке, и от этого чувствовала себя еще более отвратительно, так как прекрасно понимала, чем грозит моя неуклюжесть. В лучшем случае – выговором, а в худшем... Проще даже не думать.

Ректор хранил на полке концентрированное заклинание портала, которым пользовался, как правило, для того, чтобы не пропустить важное совещание в министерстве. А я про-

лила жутко ценную жидкость на ковер и не была уверена, что моей зарплаты хватит, чтобы расплатиться. Очередная неприятность, в которую я вляпалась. Ни один работодатель не станет терпеть на рабочем месте подчиненного с кучей проблем.

Когда начальник появился на пороге приемной, он сразу же заметил меня и протянул:

– У-у-у, какая птичка попалась в мои силки. – В приятном бархатном голосе прорезались мурлыкающие нотки. – Мира, а не думаешь ли ты, что это знак?

Я не слушала. Мне показалось, что он слишком близко подошел к опасной зоне – мокрому пятну в центре приемной. Мы с призраком в унисон крикнули: «Не-э-эт!» – но было поздно. Ректор попал ногой на пятно, оставшееся от пролитого заклинания, и с совсем неподобающим его статусу воплем пропал, а я застонала от беспомощности.

– Ну теперь-то ты меня выпустишь, ирод? – крикнула я призраку-охраннику, но он исчез. По подозрительно подпрыгивающему кубку на полке я предположила, что спрятался в него. А ведь вопил как? Обидели! В кубок засунули! Ничего, стоило жареным запахнуть, как сам спрятался и носа не кажет из своего убежища.

Хуже было то, что способность двигаться не вернулась, а у меня пропали любимый цветуй и ректор. По поводу первого я переживала, второе вызывало панику.

«Помощница, по вине которой начальник сгинул», – от

одной мысли о подобной записи в личном деле у меня волосы на затылке зашевелились и стало нехорошо.

В ближайшее время нужно было решить: то ли позвать на помощь, то ли попытаться выманить призрака-охранника, то ли подождать чуть-чуть. Вдруг ректор появится сам, так же внезапно, как и исчез. О последнем я мечтала, даже не вспомнив, что с утра не хотела его видеть. Как-нибудь уж вытерплю и насмешки, и двусмысленные намеки, и даже ругань. Лишь бы было от кого.

Впрочем, сейчас высшие силы услышали мои мольбы, и спустя недолгое время в дверях показался герр ректор собственной персоной. Он был зол, как демон. Глаза светились красным, и под мышкой он держал Васуса. Васик испуганно прятался в землю. Бледные стебли подрагивали, но горшок был цел. Похоже, цветочек не пострадал.

От сердца отлегло, правда, ненадолго. Я дернулась вперед, но паутина не пустила.

– А в курсе ли вы, милая барышня, что я вашими стараниями сейчас попал в приемную министерства? – с шипением начал ректор. – И министерские дамы были крайне напуганы. Потому как сначала на них с потолка упало визжащее лохматое существо, правда, быстро растворилось в стене, не успев никого довести до инфаркта. Потом свалился цветочный горшок с прожорливой геранью. Ну а после весьма неэлегантно я собственной персоной в неназначенное время и помешал пить чай! – говорил ректор подо-

зрительно тихо и спокойно, поэтому душа у меня ушла в пятки и руки затряслись от страха.

– Так утро же совсем... – проблеяла я не в тему, лишь бы не молчать. – Рано для чая.

– Про двухчасовую разницу во времени со столицей ты, ветреная моя цветочница, предпочла забыть. Правильно, такие мелочи не должны волновать юных блондинок. Вот скажи мне, Мира, от тебя всегда столько убытку?

– Я нечаянно! – Из груди вырвался всхлип.

– Кто бы сомневался! – саркастически отозвался ректор. Поставил цветочный горшок на стол и подошел ближе. – Зачем ты швырялась заклинанием портала? Ведь оно именно так оказалось в виде лужицы на полу?

– Я хотела Васику помочь! Вот и кинула первым попавшимся! И вообще, если бы не ваш охранник, который меня обездвигил, все было бы хорошо.

– Хорошо, говоришь? – Ректор наступал на меня, а я даже сбежать не могла. Только дрожала от страха и мечтала свалиться в обморок. – Ты одна большая непрекращающаяся трагедия. Даже моя нежно любимая дочь Кассандра теряет баллы рядом с тобой. Она неспособна причинить столько ущерба на ровном месте!

– Ну я правда не виновата и случайно! – Оправдание вышло жалким, детским и недостойным специалиста со стажем, но что я могла поделать, если правда такова?

– Твоя герань сожрала важный документ в министерстве!

И угадай, кому за это досталось? – прошипел Арион фон Расс, наклонившись к моему лицу.

– Ой! – Я прикрыла рот ладошкой, но нашла в себе силы тоненьким голоском поправить: – Васик не герань.

– Да мне до демонов! – взорвался ректор, и от крика у меня заложило уши. – Вот скажи мне, белобрысое скопление неприятностей, есть ли у меня хоть одна причина, чтобы оставить тебя здесь работать, понимая, что неприятности – это составная часть твоей жизни?

– Да. – Я лихорадочно искала ответ. – Даже две. Другой помощницы у вас нет. И я действительно умею работать с бумагами. Я училась и была отличницей! Правда! Это потом на меня свалилась невезучесть! Но я трудолюбивая и постоянно борюсь со своими недостатками!

– Да? – Он хмыкнул и приблизился вплотную, так близко, что я могла разглядеть алые всполохи демонического пламени у него в глазах. – Нет, цветочница. Эти причины – полнейшая ерунда. Мне всегда кого-нибудь находили! И многие кое-как с обязанностями справлялись. Знаешь, в чем основная причина?

– В чем? – пискнула я.

– В отличие от всех остальных, ты меня хоть и раздражаешь, но совершенно в ином и очень волнующем смысле. Мне будет приятно на тебя смотреть. Поэтому так и быть, твори беспредел на моей территории. Но учти: рано или поздно моему терпению придет конец, и тогда ты вылетишь. В тво-

их интересах сделать так, чтобы это произошло как можно позже!

Он отступил.

Я выдохнула, но, как оказалось, рано. Арион фон Расс раздраженно добавил:

– А сейчас – работать, и так задержалась на полчаса!

– Я?

Возмущенный вопль замер в горле, но я все же нашла в себе силы замолчать и сдержаться. Похоже, мне придется не просто трудно, а непередаваемо трудно. Про явный интерес начальника я предпочитала не думать. Это, конечно, крайне неприятно и опасно, но именно по этой причине Арион фон Расс меня не выкинул сразу же. Значит, буду ходить по лезвию. А что еще остается?

Глава 3. Со страхами – лицом к лицу

Всю первую половину дня я упорно изображала обычную серую мышь. То есть сидела тихо, периодически негромко шуршала бумагами и вздрагивала от каждого шороха. К счастью, начальнику было не до меня. Сначала он громко орал за закрытыми дверями кабинета на призрака-охранника, потом с бухтением и воплями убирал стационарный переход, после этого отправился в традиционный обход по академии. Я так понимаю, чтобы все остальные здесь работающие, не дай боги, не расслабились и не забыли о существовании начальства.

Пока Арион фон Расс отсутствовал, я наслаждалась – это были самые спокойные и плодотворные полчаса за весь мой рабочий день. Васик мирно стоял на окне и дожевывал стаченную из коробки печенюшку, я подшивала дела и наслаждалась тишиной. А потом ректор вернулся и внезапно вспомнил о моем существовании.

– Итак, моя тихая и, к удивлению, ничего не натворившая цветочница. Ты сегодня пристойно справились с работой уборщицы и доказала, что, наверное, из тебя бы вышла неплохая жена. Пылюку на подоконниках протерла, цветочки полила... Все, кроме своего монстра, – его ты не иначе

как кровищей ночами поишь. Бумажки в стопочки сложила красиво и аккуратно, а теперь пришла пора поработать по специальности и доказать, что диплом твой честно заслуженный, а не купленный в ближайшей подворотне у талантливого мага. Хотя печать на нем стоит, и с виду совсем настоящая, а я подделку определить могу.

Я сглотнула и кивнула. В глазах дрожали слезы, но я сдерживалась и молчала. Не хватает еще продемонстрировать свою слабость. Не дождется. Ни за что не покажу, что мерзкий тиран меня довел.

– Куда ты приехала работать? – хитро поинтересовался он. Не понимая, где кроется подвох, я послушно ответила:

– В магическую академию.

– Правильно. Заведение у нас учебное, соответственно, все мы следуем некоторым правилам. В обязательном порядке, в числе прочего, разрабатываем программы к новым учебным курсам. С этим все очень строго. Причем не только у меня, но и на министерском уровне. Мои преподаватели в большинстве своем – люди дисциплинированные и программы уже сдали. Еще бы не сдали! – Он нехорошо усмехнулся. – Нет программы – нет отпуска. Но есть среди нас те... – Ректор помрачнел и обиженно засопел, – кому отпуск без надобности, и они программу по курсу некромантии не сдали до сих пор. А меня ругают в министерстве. Тебе сейчас предстоит навеститься к профессору Сазейру и объяснить ему, что программа должна быть у меня на столе. Самое позднее –

через неделю!

С каждым словом голос ректора становился чуть громче, и я поморщилась.

– Он еще в прошлом году ее должен был разработать. Он пришел к нам в феврале и всю весну, а это, считай, практически полностью второй семестр, читал предмет без программы. Вот как так? Предмет есть, а программы нет. Не порядок!

– Ну зачем же так кричать? – тихо спросила я и осторожно взяла из рук ректора папку, которой он размахивал так, словно пытался прибить стадо мух. И тут до меня дошло, кто такой профессор Сазейр и почему мне казалось, что я уже слышала это имя.

Ректор с гаденькой усмешкой удалился к себе в кабинет, а я так и осталась стоять с папкой посреди приемной. Руки тряслись, губы – тоже, а колени подкашивались. Первым порывом было схватить Васику, покидать вещи в чемодан и сбежать к шушелям из этой проклятой академии. Хотя почему – к шушелям? К мамочке с папочкой и их пухлому блокноту со списком женихов. Для меня даже подвенечное платье уже было заготовлено. Как раз на такой случай.

Безрадостные перспективы меня отрезвили. Я выдохнула, смахнула слезинки с ресниц, взяла с подоконника Васику, решительно направилась к кабинету ректора и постучала в дверь.

– Можно?

– Нет, Мира! Нельзя! Пока не поговорите с профессором Сазейром, ничего вам нельзя. Идите уже!

– Но я Васика хотела вам оставить... – Я все же заглянула в кабинет и испуганно ойкнула, встретившись взглядом с раздраженным ректором.

– И зачем мне нужна твоя кусачая герань? Чтобы она сожрала что-то нужное? Нет уж!

Я начала ныть:

– Ну вы его поставьте в стороночку и дайте ненужную бумажку. Он будет занят и никого не тронет. Вдруг его снова шусель обидит?!

– Ага! Может быть, его еще погулять вывести?!

– Погулять не нужно! Ну как я с ним пойду? А если он кусок профессора откусит? Что делать-то будем?

– А он может? – несколько испуганно уточнил Арион фон Расс.

– Понятия не имею. – Я пожала плечами. – Кто же его знает. Васик все ест. А профессор – он ведь малость неживой.

– Поставьте на стул! – недовольно скомандовал ректор и показал, на какой именно. Отсюда Васик не должен был ни до чего достать.

Я оставила свой цветочек и поспешила к двери, надеясь, что не грохнусь в обморок в самый неподходящий момент.

Я честно пыталась не бояться. По коридору шла уверенной походкой, только побледнела чуточку – об этом мне поведало огромное зеркало в холле. Коридоры академии бы-

ли пусты. Народ разъехался на лето, и остались лишь самые большие энтузиасты или те, кто провинился и был за это лишен отпуска. Ну и обслуживающий персонал. Как ни странно, меня уже узнавали, вежливо кивали и раскланивались. Зажимая под мышкой пухлую папку с документами, я понимала, почему. Личная помощница – звено между начальником и подчиненными. Гадостную новость можно сообщить ей и не огрести по первое число. И с неприятной просьбой придет она, а не начальник – и это очень удобно. Можно тактично отказаться. Крайней всегда останется помощница.

Я все это знала давным-давно, но только тут поняла, насколько катастрофичным может быть подобное положение вещей. Быть вечно крайней у начальника-тирана по-настоящему страшно.

Профессор-лич обитал, как и полагается умертвию, практически в склепе. Его кабинет, аудитория и личные апартаменты располагались в подвале. Мне пояснили, что он всю весну вел занятия в обычных аудиториях, но на следующий учебный год вытребовал себе личные удобные апартаменты. Кстати, меня до глубины души поразила история о том, как он воскрес. Оказывается, его случайно подняла – и ключевое слово тут «случайно» – дочка ректора. В этот момент я начала немного понимать Ариона фон Расса и ему сочувствовать.

Если изначально мне показалось, что быть дочерью тирана сомнительное удовольствие, то сейчас я осознала, что

ректор и дочка – одного поля ягоды. И неизвестно, кому повезло, а кому – не очень.

Темный коридор с узкой каменной лестницей вел в подвал. Расположенные на стенах магические светильники давали совсем немного света, и было жутковато. Несколько поворотов, три двери, за которыми находились складские помещения, и я добралась до места назначения.

Я долго медлила перед дверью во владения лича. Топталась на месте и думала, как решиться постучать. Что потом сказать, как себя вести с не первой свежести трупом, который ходит и говорит? Нужно поблагодарить за то, что он донес меня до моих апартаментов, или не стоит акцентировать внимание, все же в обморок я упала, увидев его? Стоит извиниться за свое поведение или все же разумнее промолчать?

Может, просто сразу перейти к делу? А дело, как я поняла, неприятное. Предполагаю, вредный герр ректор уже подходил к профессору-личу с просьбой составить программу и был послан в далекие дали. Не знаю, сколько бы времени я мялась возле двери еще, если бы она сама не распахнулась у меня перед носом – резко и неожиданно, вырвав меня из состояния задумчивости.

Я отпрыгнула, вскинула голову и уставилась в полыхающие алым глазницы. Безгубый рот искривился в кровожадной усмешке, и я опять допустила ту же ошибку, которую и в прошлый раз. Вот была готова к тому, что увижу, но эффект неожиданности все же сыграл злую шутку. Я не успела

морально подготовиться, громко заорала и хлопнулась в обморок. Правда, предварительно протянула личу папку с документами.

Когда пришла в себя, сразу же испытала неловкость. Ну разве так можно? Мне же с ним работать дальше, а я второй раз в обморок падаю! А ну как он расскажет ректору, и что тогда делать? Идти паковать чемоданы из-за собственной нелепой впечатлительности? Надо с собой бороться и учиться не реагировать столь остро.

Я медленно открыла глаза и чуть снова не отключилась. Непонятный ветерок, который заставил меня очнуться, доносил запах тлена. Сверкающий сочувственным оскалом лич заботливо обмахивал меня папкой с документами. Я не заорала лишь потому, что потеряла дар речи, в горле застрял комок.

– Любит Арион над сотрудниками издеваться, – прошелестел лич, увидев, что я очнулась. – Причем к каждому находит свой, особенный подход. Меня вот программу заставляет разрабатывать, хотя знает, что я и при жизни не любил заниматься подобными неприятными вещами. Вас – ко мне отправил и убил сразу двух зайцев.

Лич отступил, кинул папку на стол и расположился в кресле возле погасшего камина.

Почувствовав, что опасность миновала, я немного осмелела и поинтересовалась, пытаюсь осмотреться и понять, куда попала:

– Каких?

Вокруг было сумрачно, промозгло, и я готова была спорить, что сейчас нахожусь в гостях у лича. Похоже, он снова меня перенес на руках. В этот раз, правда, не в мои апартаменты, а в свои. Вот же шушьель, как неловко!

Дивана у лича не было, кровати – тоже, зато в наличии имелся каменный саркофаг с подушечкой и шелковыми простынями. Вот там я и лежала. Признаться, было удобнее и комфортнее, чем на каменном полу в коридоре, но сам факт заставлял сердце сжиматься, и мне было очень сложно контролировать себя. Я не орала и не бежала лишь потому, что чувствовала слабость, а из саркофага с высокими стенками так просто не выскочишь.

– Вас напугал и в неловкое положение поставил, и меня подловил, – медленно пояснил лич. – Его-то бы я сразу отправил куда подальше с программой, например, в министерство. Я тут, так сказать, на добровольных началах преподаю, денег не получаю, штатной единицей не числюсь, и зачем мне программы писать? А вас отправить к этому тирану без результата не могу, вам и так не посчастливилось у него работать.

– Так, может быть, вас того... – поинтересовалась я. Вид лича уже не вызывал оторопь. Я по-прежнему чувствовала себя не в своей тарелке, но уже не была близка к обмороку.

– Упокоить? – буднично поинтересовался лич.

– Нет-нет! – поспешила я поправиться. – Ни в коем слу-

чае! Я другое имела в виду. Трудоустроить.

– Трудоустроить? – Предложение, похоже, поразило профессора до глубины души. – Дорогая моя Мира, а зачем же мне нужны эти лишние телодвижения и хлопоты? Увольте от подобного счастья. Сейчас программы – моя добрая воля. Как только я буду работать официально, они превратятся в унылую обязанность. Нет уж. Мне нравится, как Арион за мной бегаёт. Согласитесь, у него премерзкий характер, кто-то же должен доставлять ему такие же неприятности, какие он привык доставлять другим. Вы со мной согласны?

– Наверное... – Я осторожно села, все же чувствуя себя очень неловко. Было стыдно, страшно и чуточку противно.

Руки дрожали, ноги – тоже. Естественно, когда я начала вылезать из саркофага, то зацепилась носком туфли за бортик, рыбкой полетела вперед и вниз, лихорадочно замахала руками, сбила что-то на столе и вцепилась в первое, что попало под руку, – рукав лича.

Удержаться все равно не вышло. Увлекая профессора за собой, я рухнула на пол. Единственной мыслью было: «Лишь бы не сломать ценного и бесплатного сотрудника академии».

К счастью, лич оказался на удивление прочным и даже умудрился изловчиться и не упасть на меня сверху, а устоять на ногах.

– П-п-ростите... – прошептала я с пола и взвыла в голос, когда заметила, что папка с документами, которую я принесла личу, выпала у него из рук на стол. Падая, я задела чер-

нильницу, и теперь на бумагах расплывалось огромное чернильное пятно.

– Вот что за шумель?!

– Ну не совсем чтобы шумель. – Лич посмотрел на меня строго, и я снова едва не рухнула в обморок. Все было не просто плохо, все было ужасно.

– Это мое вечное невезение! – На глаза навернулись слезы.

– Правда, что ли? – уточнил лич, который брезгливо держал двумя пальцами листочки и задумчиво наблюдал, как на пол с них падают жирные чернильные кляксы. – И давно вам так не везет?

– С момента получения диплома! Что бы я ни делала, все получается...

– Как сегодня. Да?

– Обычно еще хуже, – покаялась я.

– Подойдите сюда! – скомандовал лич и выкинул пришедшие в негодность документы в мусорную корзину.

– Мы сможем это восстановить? – тихо простонала я.

– Мы? – На лице лича мелькнуло удивление. – Мы – нет. Это программа по курсу несмертельных проклятий на следующий год, которую ректор подsunул мне в качестве образца. Ее делал аспирант Ариона Демион фон Аррис. Он сможет.

– Неужели из-за меня кому-то придется переделывать работу? – Мне стало плохо. Я ужасная! Отвратительная личная помощница!

– Ему не привыкать. – Лич отмахнулся. – Вы представляете, что такое быть аспирантом у нашего ректора? Демион – смысленный молодой человек, должен был оставить себе копию. Если у него ее нет, он дурак. А дураков надо учить. Походите сюда, Мира. Я вас не укушу! Что вы, ей-богу, как студентка-первокурсница!

Я не посмела возражать и осторожно, бочком, приблизилась к личу. Он обошел сзади и положил пахнущие тленом руки мне на плечи. Признаюсь, я закрыла глаза и принялась молиться, чего не делала никогда.

– Перестаньте! – раздраженно отозвался он. – Вы мне мешаете своим навязчивым бормотанием!

– Так я про себя!

– Без разницы. Все равно раздражает.

Я послушно попыталась перестать, но тогда в голову начали лезть самые разные мысли, от которых самой стало тошно. Лич снова не выдержал и посоветовал:

– Уж лучше молитесь, фон не такой беспокойный, хотя и раздражает порядочно.

Решив, что когда говорю, меньше думаю и, соответственно, меньше нервирую лича, я задала вопрос:

– А что вы, собственно, делаете?

– Ищу проклятие, – как ни в чем не бывало пояснил профессор и продолжил свои манипуляции.

– Проклятие? – удивилась я. – Какое проклятие?

– А это нам с вами расскажет Арион. Он же у нас в акаде-

мии специалист во всем! – с издевкой резюмировал лич.

Я не поняла, сарказм относится ко мне и ситуации или к персоне ректора.

Профессор бесцеремонно схватил меня за руку и потащил к выходу. Я от этого действия в обморок не рухнула и поэтому возгордилась.

– И все же? – Я не отставала. Практически перешла на бег, чтобы успевать за профессором. – О каком проклятии вы говорите?

– О вашем. Или вы наивно считаете, будто невезучесть имеет естественные причины?

– Хотите сказать, меня прокляли?! – поразила я настолько искренне, что лич хмыкнул.

– Странно, что вам самой это в голову не пришло. Неужели всю жизнь не везло?

– Мне всегда очень даже везло, – призналась я. – Иногда даже слишком. Самый простой билет на экзаменах, научный руководитель, к которому хотела попасть. Я думала, мое невезение – это расплата за чрезмерную везучесть раньше.

– Ваше невезение – следствие чьей-то зависти и злобы, – возразил лич. – Признайтесь, много врагов было? Я так понимаю, ваши проблемы начались после выпуска? Кого вы из одноклассников бесили?

– Ну многих. – Я пожала плечами. – Я легко поступила, легко училась и еще до написания диплома получила первое предложение работы. А у нас коллектив был преимуще-

ственно женский и завистливый.

– Что я вам могу сказать, Мира. – Лич развернулся и сверкнул глазами. – Вы влипли. Причем, похоже, очень давно.

– А как мне из этого вылипнуть? – несчастно уточнила я.

– Даже не знаю... Найти того, кто наложил проклятие.

– А если это не представляется возможным?

– Ну тогда вы долго не проживете. Однажды вам на голову упадет кирпич или вы поскользнетесь на вымытом полу. Смерть будет ранней и глупой. Стандартный исход для таких проклятий.

– Но я до сих пор жива...

В горле застрял ком. Перспективы вырисовывались нерадужные.

– И это чудо, я бы сказал. Наверное, это ваше врожденное феноменальное везение вступает в конфликт с проклятием.

– Что это значит?

– Это значит, что вы легко отделались.

Когда мы вошли в кабинет к ректору, то застали удивительную картину. Лич даже замер в проходе и жестом велел остановиться мне. Арион фон Расс стоял к нам спиной, что-то неразборчиво бормотал себе под нос и пытался скормить Васику простой карандаш. Я уже даже рот открыла, чтобы поинтересоваться, когда сообразила, чем именно занимается ректор. У его ног на полу валялись изгрызенные остатки карандашей, а ректор бухтел:

– Ну вот что же ты творишь-то, погань прожорливая! Говорю же тебе, по чуть-чуть и по кругу. Вот так...

Ректор магической академии, умнейший человек, гнева которого боялись даже в министерстве, с помощью моего Васика пытался точить карандаши.

– Арион, – начал лич. – Тебе точилку, что ли, подарить на ближайший праздник? Что ты дурью маешься?

Ректор вздрогнул, скривился, но не подал виду, что наше появление застало его врасплох. Он с удовольствием обозрел очередной, на сей раз остро отточенный карандаш и заметил:

– А вы, профессор Сазейр, не острите. Не подарите вы мне точилку, так как не на окладе. Средств у вас необходимых не имеется.

– А вот эта милая девушка говорит, что меня надо трудоустроить, – даже не задумавшись, сдал меня лич.

Я сглотнула, поймав угрожающий взгляд ректора, и попятилась. Естественно, наткнулась на полку и обрушила бы все, что на ней стояло, если бы меня не удержал лич.

– Вот что с ней делать, а? Ходячая катастрофа! – простонал Арион фон Расс, задав профессору риторический вопрос, но лич совершенно серьезно ответил:

– Что-что? Либо отправлять куда подальше, чтобы грех на душу не брать, либо избавлять от проклятия.

– Не нужно меня никуда отправлять! – пискнула я и спряталась за спину лича. Внезапно я поняла: он меня пугает значительно меньше, чем ректор.

Арион фон Расс смотрел на меня, словно на клопа, – явно решал, прихлопнуть на месте или не поганить ковер. Кажется, даже Васик его раздражал меньше.

– Вот как вы думаете, профессор Сазейр, – протянул ректор, демонстративно отвернувшись от меня, – в агентстве специально подсунули мне бракованную секретаршу или у них, как всегда, само так получилось?

– Арион, ты себе льстишь! – прошелестел профессор и шагнул в сторону, оставив меня беззащитной перед пронизывающим взглядом черных глаз ректора. – Решай, что будешь делать. Но так это оставлять точно нельзя. Она себя угробит и тебе академию спалит. А я еще не воспитал достойную смену.

– Все не теряешь надежды, что тебя кто-то упокоит? – хмыкнул ректор. – Вряд ли дождешься.

– А потому что набираете не пойми кого! Ты заявления на отделение некромантии видел? Через одно – сопливые девочки!

– Не переживай, – с несвойственным ему флегматизмом отозвался Арион. – Половина из них отсеется на первом же этапе экзамена, который будешь принимать ты. Вон, от твоего вида даже секретарши в обморок падают. Или вы думали, я не в курсе? – Ректор мерзко хихикнул, но тут же собрался и продолжил, сменив тему: – А среди оставшихся вдруг будет та самая жемчужина, ради которой не грех перелопатить кучу навоза?

– Сам-то себе веришь? – поинтересовался лич и удалился, а я осталась наедине с ректором ожидать приговора.

Почему-то я была на сто процентов уверена, что возиться он со мной не станет. Одно дело – невезучая секретарша, другое – секретарша проклятая. В учебном заведении такую бомбу замедленного действия держать чревато.

– Паковать чемоданы? – уныло уточнила я.

– Что же ты, Мирочка, так быстро хочешь от меня сбежать? – поинтересовался ректор тихим, вкрадчивым голосом.

Я ойкнула и отступила, пугаясь его напора.

– Потому что проклятие... а тут дети...

– Ну, во-первых, до детей у нас с тобой еще долгих полтора месяца, а во-вторых, эти дети сами кого хочешь проклянут. Поэтому я предлагаю тебе сейчас идти к себе в комнату и отдохнуть. Герань свою не забудь, она мне тут не нужна, а вечером ты составишь мне компанию за ужином.

Не успела я возмутиться, как ректор добавил:

– Кстати, я цветуй твой слегка подпортил. – И как ни в чем не бывало отошел к столу.

Я взвыла и кинулась проверять Васику. На каждом его листочке был зверски выцарапан непонятный знак.

– Вы! – возмутилась я. – Вы! Как вы могли!

– Зато шушель не увидит. Так что спасибо скажите.

Спасибо я говорить не стала, сунула цветочный горшок под мышку и гордо удалилась.

Глава 4. Несмертельное проклятие

К себе я примчалась буквально через пять минут – так сильно торопилась. Едва не сбила в коридоре вахтершу со шваброй, налетела на стремянку и разлила банку с краской у рабочих, скомканно извинилась, услышала в свой адрес совсем неуместную в академии брань и наконец очутилась в относительно безопасной комнате.

Залезла на кровать с ногами, прижала к себе Васику и крепко задумалась о своей тяжелой судьбе и несложившейся карьере. Значит, проклятие? Вот никогда бы сама до этого не додумалась, если бы лич, который оказался совсем нестрашным и очень полезным, не подсказал. После его слов ситуация стала ясна как божий день.

Я вспоминала свою жизнь до и после университета. Прикидывала, анализировала и пришла к выводу: кто бы ни проклял меня, сделано это было на церемонии вручения диплома. Так как первый казус произошел со мной именно там, когда я, пунцовая от смущения и гордости, спускалась по ступеням со сцены, прижимая к груди диплом. Меня хвалили, пророчили светлое будущее и блестящую карьеру, поэтому нет ничего неожиданного в том, что я зацепилась каблуком за ступеньку, полетела кубарем вниз и изорвала платье. Тогда я списала все на волнение.

А пока я ездил домой, переодевалась, искала другой, ме-

нее пафосный, но все же пристойный наряд, все мои со-
группники напились, и я застала своего жениха в объятиях
первой красавицы курса. Вообще тогда я подумала, что мне
повезло. Впрочем, наверное, так и было. Об измене я мог-
ла узнать и после свадьбы. Ну а после этого случая неприят-
ность стала моим вторым именем.

Как ни странно, мысли, обычно приводящие к дурному
настроению, сегодня оставили меня безучастной. Все это бы-
ло в прошлом, но вот думать, будто тебя проклял кто-то из
пятнадцати человек, с которыми ты пять лет училась в одном
месте, сидела рядом в аудиториях и сдавала массу зачетов и
экзаменов, было крайне неприятно. Это не давало покоя.

На самом деле у меня было несколько кандидатур. Мой
бывший, который не хотел, чтобы я строила карьеру, а сам
связался с Рокси – роковой брюнеткой. А мотив? Надеялся,
что я прощу и вернусь? Рокси, которая долго пыталась от-
бить у меня Криса. Но зачем ей? Она ведь добилась своего.
Насколько я знаю, у них уже есть ребенок. Еще близняшки
Пелл и Мэлл, они меня не любили за ту легкость, с которой я
училась. Ну и пара-тройка заучек, считавших, будто я полу-
чила красный диплом незаслуженно. В любом случае сейчас
узнать, кто сделал мне такую гадость, нельзя. Может быть,
ректор надо мной сжалится и уберет мое невезение? Вооб-
ще, это и в его интересах тоже.

Ободренная этой мыслью, я отправилась собираться на
ужин. Это мероприятие тоже не вызывало ни малейшего вос-

торга, но выбора не было. Мое положение в академии и так было крайне шатким. А я очень хотела сохранить работу и избавиться от проклятия.

Васика пристроила на прикроватную тумбочку и уже вернулась к шкафу, когда заметила неясную тень на подоконнике – шушеля. Визжать не стала, но на всякий случай сняла тапку и, ухватив ее поудобнее, начала наблюдать за происходящим.

Твареньш по-свойски забрался на подоконник и закрутился на месте, словно что-то вынюхивая. Длинный носик дергался, шушель исследовал подоконник и, не находя желаемого, нервничал сильнее. Сопение превратилось в повизгивание, и скоро демоненок зарыдал так громко и искренне, что даже у меня кольнуло сердце. Васик пошел клубничинами, потянул к шушелю листочки, но так и остался незамеченным – заклинание ректора работало. А мне стало до ужаса стыдно. Это ведь из-за меня зверь лишился последней игрушки и теперь страдает.

Пока шушель горестно завывал на подоконнике, я, окончательно размякнув сердцем, полезла в сумку, достала кусочек заваливавшейся в углу печенюшки и протянула ее зверю. Он брал очень боязно и осторожно. Подбирался ко мне, тихонечко переступая лапками, преданно заглядывая в глаза и вызывая умиление. Аккуратно понюхал сначала печенючку, потом руку, взял лакомство передними короткими лапками и, с наслаждением хрюкнув, тяпнул меня за палец. Я ойкну-

ла, отскочила, а демоненыш мерзко захихикал, раскрошил печенье на ковер, смачно плюнул и, навалив огромную зловонную кучу на подоконник, скрылся в вечерней дымке.

– Вот ведь тварь! – выругалась я, зажимая кровоточащий палец, вдыхая непередаваемое амбре и проклиная себя за мягкотелость.

В этой ситуации хорошо было только одно. Я убедилась в том, что, пока не исчезли знаки, нарисованные ректором на листочках Васика, шушель мой цветочек не увидит, а значит, и напакостничать не сможет. Это успокаивало.

Я обработала кровоточащую ранку, заклеила палец зеленоватой субстанцией, которую целительница в лавке рекомендовала как чудодейственное заживляющее средство, и убрала все следы пребывания демоненыша в моей комнате. Взглянула на часы и поняла, что подготовиться как следует к ужину с Арионом фон Рассом не успеваю. Впрочем, это было неудивительно. У меня редко что-либо получалось сделать без форс-мажорных ситуаций.

Пришлось бежать в душ, в котором минут через пять (едва я только успела намылиться) закончилась горячая вода. К таким вывертам я привыкла, поэтому, стуча зубами, окатилась ледяной и стала отогреваться, кутаясь в теплый халат. Одновременно пыталась спешно высушить волосы. На укладку уже не оставалось времени, а раз не получалось изображать чопорную даму, платье я подобрала тоже менее строгое, чем обычно. Светло-голубое, с открытыми плечами,

но скромным вырезом и струящимся шелковым подолом.

Отражение в зеркале мне понравилось – лучистые синие глаза, ямочки на щеках, волосы, рассыпавшиеся по плечам свободной волной и слегка выющиеся на концах. Ресницы хорошо бы подчеркнуть тушью, но времени не осталось. Я сунула ноги в босоножки и помчалась по коридорам, надеясь, что не вляпаюсь по дороге в неприятности.

Самая главная неприятность ожидала меня в конце пути. Перед ней померкла и разодранная на лестнице коленка (хорошо хоть платье уцелело и ссадину скрывало), и сломанный при падении ноготь, и даже то, что я запуталась перед этим в шторах, которые вешали две немолодые и пока незнакомые мне женщины.

Их возмущение было искренним. Я получила выговор и чувствительный магический заряд в зад, рассыпалась в извинениях и понеслась дальше. Еще три года назад я, наверное, задрала бы нос и обязательно донесла до всех вокруг, что я не просто мимо пробегающая встрепанная девчушка, а личная помощница. Нас учили, что это звучит гордо. Но сейчас мне было наплевать – только бы успеть, а с имиджем и значимостью можно разобраться позже. Все равно судить обо мне будут по делам, а не по статусу. Пока ничего полезного для академии я не сделала. И оправдывало меня лишь то, что прошел всего один рабочий день.

Знала бы я, куда тороплюсь. В кабинете ректора не было, зато изрядно смущающийся после утренних происшествий

призрак-охранник указал мне дорогу. Хорошо хоть, не дал, как в старых сказках, летящее перышко, за которым герою стоит следовать, чтобы попасть к месту назначения.

Призрак-охранник с печальным вздохом потащился провожать меня сам. В соседнее крыло, через роскошные апартаменты (я не хотела думать, кому они принадлежат), на открытую площадку-балкон на одной из башен.

Отсюда открывался удивительный вид на простирающуюся внизу долину и кажущийся игрушечным город – один из крупнейших в империи. Он протянулся вдоль всего горизонта.

На балконе был накрыт стол на двоих – свечи, бутылка шампанского во льду, все как положено на свидании. Только вот я была настроена на деловой разговор. На свидание я не подписывалась. Как назло, призрак-предатель скрылся, а ректор, который до этого стоял ко мне спиной и наблюдал закат, повернулся и протянул руку со словами:

– Проходите, Мира.

Я двинулась остороженько, бочком. На ректора косилась подозрительно и думала, а не сбежать ли мне, пока не поздно. Плохо, что я так и не смогла для себя решить, куда. То ли к себе в комнату, то ли вообще из академии.

Хотелось вообще из академии, но я понимала: моих проблем это не решит и от проклятия не избавит. А вот ректор, сколь бы пугающим ни казался, вполне способен. Вместо того чтобы тоскливо завывать в полный голос, я улыбнулась, на-

десясь, что вышло не слишком натужно, и грациозно села за стол – так, как нас учили. И – о чудо! – даже бокалы не своротила.

Как же я отвыкла чувствовать себя нормальной! Спустя три года жизни с проклятием даже такое простое действие казалось мне достижением.

Но расслабилась я рано. Ректор стремительно подошел к стулу. Он все делал быстро и резко, но вместе с тем выверенно. Ни одного лишнего движения. Он сел напротив и посмотрел на меня так, что я вздрогнула, махнула рукой, и бутылка с шампанским и ведро со льдом обязательно бы полетели на пол, если бы их не успел поймать Арион фон Расс.

– И как же вы, Мира, до своих лет-то дожили? – поинтересовался ректор, разливая по бокалам пенящийся напиток.

Он был сосредоточен. Между черных бровей пролегла складка. Сейчас Арион фон Расс выглядел неформально. Несколько верхних пуговиц на черной рубашке были расстегнуты, и мне очень хотелось их застегнуть, чтобы не смущали.

– До двадцати одного года я как-то не страдала от невезучести и рассчитывала на блестящую карьеру! – отозвалась я, с трудом отведя взгляд от сильной шеи. – А вместо этого сижу вот тут... – Дальше я продолжать не стала. Как в голове ни крутила, все одно – получалось не очень корректно по отношению к моему новому работодателю.

– А вместо этого пьете с ректором магической академии, а

могли бы – с каким-нибудь герцогом или графом. Безусловно, герцог или граф – более выгодная партия.

Было непонятно, что это: шутка, сарказм или он говорит вполне серьезно. Это раздражало, и я возмутилась:

– При чем тут партия! Просто последние несколько лет мне не везет, и из-за этого «не везет» моя карьера сложилась не лучшим образом, точнее, вообще не сложилась. Про проклятие я узнала только сегодня! Могла бы давно снять.

– Не скажите, Мира! – Ректор глотнул вина и кивнул мне, предлагая сделать то же самое. – Не сняли бы. Сегодня вам улыбнулась удача. Я бы тоже, наверное, заметил проклятие, но не сразу, и то лишь в случае, если бы вас не уволил раньше. А обнаружить его в обыденной жизни вообще непросто. Так что в целом вам повезло: и в том, что вы сюда попали, и в том, что профессор Сазейр посмотрел на вас внимательнее, нежели я. Есть кандидатуры? Может быть, старые недруги? Вы кому-то встали поперек горла. Тут нужен маг достаточно высокого уровня, а такие стоят недешево.

– А это важно? – поинтересовалась я. Настроение упало ниже плинтуса. – Потому что мне сложно сказать – кто. Я могу сказать только – когда. И деньги – не показатель, у нас все были достаточно обеспечены. Многие могли себе позволить услуги хорошего мага.

– И когда же?

В глазах ректора зажегся интерес. Я несколько смутилась, но все же ответила:

– Три года назад на вручении диплома об окончании университета или прямо перед ним. Но точно тогда.

– Кто-то из завистниц? – уточнил он.

– Или завистников. – Я пожала плечами. – А это имеет принципиальное значение?

– Понимаете, Мира, без того, кто вас проклял, проклятие снять практически невозможно.

Ректор отклонился на спинку стула, отчего рубашка натянулась у него на груди (мне стало страшно, что маленькие серебряные пуговички оторвутся), покрутил в руках ножку бокала и нахмурил лоб. Думал, видимо.

– И что же делать? – растерялась я.

– Не хотите ли организовать встречу выпускников?

– Что? – удивилась я, но по взгляду поняла – не шутит.

– Именно, Мира. Соберите всех возможных виновников в одном месте – и тогда получите ответ. Сколько человек было у вас в группе?

– Пятнадцать... – задумчиво ответила я, все еще считая его идею в высшей степени бредовой.

– Пятнадцать – не так уж и много. Я знаком с ректором Высшего Управленческого Университета, думаю, она услышит мою просьбу и примет в своих стенах выпускников, решивших встретиться через несколько лет после окончания и поностальгировать. Тем более повод есть.

– А какой повод? – несчастно заметила я.

– Вы же несколько лет, с ваших слов, на «отлично» учи-

лись именно этому! Вы должны уметь организовывать разного рода мероприятия и придумывать поводы. Вот и организуйте встречу выпускников! Считайте это вашим рабочим заданием. Думать можете начинать прямо сейчас!

Сказать, что мне стало страшно, – значит не сказать ничего. Я не знала, с чего начать и зачем это нужно Ариону фон Рассу. Я даже готова была дальше жить со своим проклятием, лишь бы не пришлось собирать вместе всех тех, кого я не видела три года. Ну не готова я была к такому! Расставалась я с ними звездой, а сейчас я кто? Личная помощница тирана. За эти три года я не достигла ровным счетом ничего, а они шли вверх по карьерной лестнице, удачно выходили замуж... То есть стали теми, кем и должны были – успешными, богатыми, такими, какой мечтала стать я, но не смогла.

– Не хочу встречу! – Полный отчаяния возглас вырвался произвольно и вызвал у ректора улыбку.

– Не беспокойтесь, Мира, я вас не брошу и буду сопровождать.

Сердце упало в желудок и там сжалось. Все еще хуже, чем я могла предположить. Только нового начальника в качестве сопровождающего мне не хватает! Ведь слухи пойдут! Придется оправдания искать. Он намного старше меня, но в то же время пугающе сексуален. И вообще, мне страшно. Очень-очень.

Все это Арион, видимо, прочел на моем лице, потому что улыбка его стала хищной, и я себя почувствовала маленькой

мышкой рядом с удавом.

«Шушель бы побрал это проклятое невезение!» – подумала я и осеклась, вспомнив, что твареныш вполне может прибежать на мои призывы.

– Ну я пойду? – Я подорвалась со стула и покосилась в сторону выхода, планируя сбежать как можно быстрее, но ректор грозно рыкнул:

– А ну стой! Куда собралась? – И схватил меня за руку.

Я пискнула, но послушно уселась на место.

– А как же «думать»? – уточнила я, но Арион фон Расс снова наполнил мой опустевший бокал и скомандовал:

– Пей и любуйся закатом. Смотри, какой красивый! А на то, чтобы подумать, у тебя вся ночь впереди. Или почти вся... – двусмысленно добавил он, но я предпочла намек не заметить и послушно отхлебнула резкий пенящийся напиток. Сотни пузырьков растворились на языке, и нервное напряжение отступило.

Закат за окном и правда был очень красивым – лилово-розовым, необычным и ярким. Он просился на холст, жаль, что я не умела рисовать.

Я молчала, а в голове сами собой появлялись мысли и идеи. Оказывается, не забыла, чему нас учили, и то, что не удавалось применить свои знания на практике, не имело значения. В голове рождались образы, нужные фразы, тема встречи выпускников и антураж. Буквально через пять минут на моих губах появилась мечтательная улыбка – я твер-

до знала, что нужно делать и, самое главное, к кому с какой фразой обратиться, кто на какое предложение клюнет. Идея собрать одноклассников вместе уже не казалась нереальной и идиотской, и даже собственная судьба сейчас представилась в другом свете. Я нашла, как можно преподать свое новое положение, чтобы мои бывшие одноклассники начали завидовать, а не презрительно кривиться.

– Я же говорю, закат красивый! – по-своему отреагировал на мою улыбку ректор, а я не удержалась и в голос засмеялась. Не зря. Много бы отдала за то, чтобы еще хоть раз увидеть на его лице такое же ошарашенное выражение.

– Иногда я все же сомневаюсь в вашей нормальности, Мира... – пробурчал он, когда я отсмеялась.

– Простите. – Я прыснула в кулак. – Закат действительно хорош, просто я придумала, как организовать встречу, и уверена: у меня все получится. Если только не вмешается проклятое невезение, – буркнула я.

– Все будет хорошо. Такие проклятия, как правило, бывают очень узкими. Ваше, скорее всего, направлено именно на рабочие моменты. Может быть, на романтические отношения. Будь все иначе, с вами уже давно бы произошла какая-нибудь трагедия.

– Тогда у меня все получится.

– Не забудьте включить в свой план тот факт, что мы с вами будем изображать пару.

– Что? – Я поперхнулась шипучим вином.

– Ну а в каком качестве вы предлагаете мне ехать?

– В качестве дядюшки? – невинно уточнила я, но в ответ получила грозное рычание и полыхнувшие алым глаза.

– Не перегибайте палку, Мира!

Сбежать удалось через полчаса. Ректор не очень хотел меня отпускать, но я не жаждала с ним общаться. Просто не понимала, чего он от меня хочет и как на все реагировать. Зачем помогает? К чему все эти закаты и шампанское? Девочка я уже взрослая, опасному очарованию поддаваться не спешила и недоумевала, почему этот видный и успешный мужчина выбрал меня. Не потому ли, что сейчас лето, ремонт и вообще скучно в этой глуши, а тут, так сказать, развлечение, не отходя от рабочего места?

Ничьим развлечением я быть не хотела, а хотела просто снять проклятие и ради этого готова была на многое, но не на все. Например, не собиралась идти на поводу у ректора.

В комнате меня ждал сюрприз. Видимо, снова приходил шушель. Васику твареныш не нашел, зато изодрал мне все постельное белье, оставил две смердящие кучи и в мелкие клочки порвал пару документов. Я выдохнула, выругалась и принялась за уборку, попутно додумывая план действий на завтрашнее утро.

Уборка заняла минут сорок, и я уже планировала лечь спать, но не смогла. Завалилась на кровать с карандашом и блокнотом. Мысли, перенесенные на бумагу, обрели стройность, и когда начало светать, у меня уже имелся в наличии

расписанный план мероприятия.

Поспать не получилось, зато к утру я была во всеоружии и начала бы связываться с бывшими одногруппниками прямо сейчас, если бы не требовалось еще раз все согласовать с начальником. Он должен был сделать самое важное – уведомить ректора моего университета и получить добро на встречу. Также на этом уровне стоило решить, где именно разместят выпускников. Нужно ли бронировать гостиницу или, быть может, ректор разрешит пожить в общежитии. Хорошо бы в своих комнатах.

При мысли о возможности ненадолго вернуться в студенческие будни я заулыбалась. Было бы здорово! Свою неуклюжую подружку-соседку, рыжую хохотушку Като, я не видела с выпуска. А ведь как мы дружили! Но судьба развела, и я даже не знаю, где она сейчас и как устроилась. Интересно будет узнать. Катриона не очень хорошо училась и была немного неловкой, но, может быть, ей повезло и она нашла работу своей мечты?

На работу собиралась, как всегда, второпях, и тут моя невезучесть проявилась в полной мере – за пятнадцать минут я порвала колготки, измочила платье, потому что за чем-то сунулась в душевую комнату и открыла кран. Пришлось переодеваться. Из-за этих злоключений уложить волосы я не успела, как и покормить Васику.

Пришлось цветущек брать с собой. Я неслась по коридорам с лохматыми, развевающимися волосами, сбивая стре-

мянки и зажимая горшок с Васиком под мышкой, и все равно умудрилась явиться позже ректора, в девятом часу.

Сердце упало в желудок и там испуганно задрожало. Ни один начальник на моей памяти не относился к опоздавшим снисходительно, поэтому от Ариона фон Расса я ждала какой угодно реакции.

– Пр-простите... – проблеяла я, заглянув в дверь кабинета, и собралась ретироваться на свое место.

Но не получилось.

– Стоять! – рыкнул ректор, и я послушно замерла, испуганно хлопая глазами. – На миг я подумал, что Кассандра нагостилась у матери, – ворчливо заметил он. – У вас сейчас прическа один в один как у нее, и топаете вы так же задорно, предвещая неприятности.

– Пр-р-ростите... – еще раз буркнула я, не сообразив, что ответить, а ректор, поморщившись, махнул рукой искомандовал:

– Растение свое мне оставьте!

– Зачем? – подозрительно поинтересовалась я.

– Развлекает он меня, – не стал отнекиваться Арион фон Расс, и я бочком протиснулась в кабинет. Плечом задела металлический кубок, извинилась, стала поднимать и опрокинула ведро с канцелярским мусором.

– Мира! Вы стихийное бедствие! Знаете?

– Ага. – Я кивнула, поставила Васика в уголочек, цветочек сразу же сжался и коварно напал на ближайшее растение.

Свежий зеленый лист он поедал с чавканьем и такой жадностью, что ректор не выдержал, поморщился и сказал:

– Кормить домашних питомцев надо, Мира.

Я покраснела и пробормотала что-то невнятное. Акцентировать внимание на том, что Васик сам себе неплохо находит прокорм, я не стала.

Глава 5. Личная помощница в действии

С утра я работала, словно сумасшедший магический венник, – быстро и немного бестолково. Постоянно косилась в приоткрытую дверь ректорского кабинета – переживала, не припомнит ли мне начальник опоздание, ну и проверяла, в порядке ли Васик. Цветуечек чувствовал себя лучше всех: тянул к солнышку ярко-зеленые листочки, неспешно поедая ненужные бумажки и даже периодически, по запросу фон Расса, точил карандаши. Ну и пакостил. Куда же без этого.

Ближе к обеду я успокоилась настолько, что рискнула озвучить ректору все свои задумки. Я бы и раньше их озвучила, если бы не одно «но». С утра ректор орал. Видимо, это было записано у него в ежедневнике отдельным пунктом. С восьми до одиннадцати – ор.

Досталось всем, даже Васику. Точнее, Васику-то как раз за дело, он схомячил какую-то министерскую грамоту, которая была получена герром Рассом совсем недавно и лежала на краешке стола, пока не убранная в рамочку и не повешенная на стену.

Естественно, прилетело и мне, но я быстро открестилась от всех обвинений. Все же не я предложила оставить цветочек в кабинете. Ректор побухтел, но с недовольным видом

признал мою правоту и отстал, перенаправив свой гнев сначала на лича, который так и не сдал программу, потом на ремонтников и на какую-то даму из министерства, которая связалась с ним совсем не вовремя. Мне даже жаль ее стало, зайкой ведь станет, болезная. Хотя зарплаты у них там – огого! Хватит и на лекаря, и на новую сумочку из последней коллекции маэстро Лициарио. Когда-то я очень тщательно изучала вопрос министерских зарплат и лелеяла надежду рано или поздно получать свою там же. Не сложилось и, подзреваю, уже не сложится.

Зато после обеда герр ректор короткое время всегда пребывал в благостном расположении духа. Вот тут-то я его и планировала подловить. Караулила у дверей столовой и была свидетельницей того, как он сначала высыпал себе в суп содержимое солонки, а потом вылил на брюки кружку кофе. С хорошим настроением не сложилось, и пришлось высказывать свои мысли недовольному и скандальному фон Рассу, который переоделся в чистые штаны и теперь с ненавистью взирал на торчащий в стене кабинета гвоздь. Видимо, именно на этом месте должна была висеть грамота, сожранная Васусом.

Несмотря на скверное настроение, мои идеи ректор выслушал достаточно спокойно и даже что-то подкорректировал. Пообещал свою помощь и, потеряв губу, заметил:

– В своем, безусловно, талантливом плане, Мира, вы упустили одну очень важную деталь.

– Какую? – всполошилась я и снова сунула нос в записи, сделанные мелким, убористым и совершенно нечитаемым почерком. По мне, все было распланировано идеально. Я хоть сейчас готова была защитить диплом по этому проекту.

– Вы не учли свою невезучесть, – припечатал фон Расс, взглянув на меня с усмешкой. Темные, словно угли, глаза на миг вспыхнули демонически-алым, заставив меня вздрогнуть. – Сколько шансов на то, что у вас с вашим проклятием получится уговорить одноклассников на встречу? Мне почему-то кажется – немного.

– Может, пронесет? – с надеждой поинтересовалась я и получила очередной насмешливый взгляд.

– Мира, вы ждали меня с обеда, потому что, как умная секретарша, быстро выучили, когда у меня хорошее настроение. Так ваше проклятие и тут подкорректировало ситуацию! У меня испорченный суп, позорно мокрые штаны и желание убивать всех и вся!

– Вы думаете... – Я неопределенно показала рукой ему на штаны. – Это моя вина?

– Мира, за все годы работы здесь я облился всего один раз, когда моя дочь сказала, что поступила учиться в мою академию. Но тогда был реально стресс!

– А пансион благородных девиц? – глупо поинтересовалась я, вспомнив рассказ ректора.

– Вот после этого случая и отправил! Не понимал, что бес-

полезно бороться со стихийным бедствием, можно лишь минимизировать последствия. Только к Кассандре в академии немного привык, так вы тут на мою голову свалились!

– Я не специально... это все проклятие. Оно всегда меня в дурацкие ситуации ставит.

– Ну спасибо! – скривился фон Расс. – Никогда еще меня дурацкой ситуацией не именовали.

– Извините... – буркнула я и тут же добавила, чтобы сменить тему: – И что же мне теперь делать?

– Есть у меня одна идея.

Ректор выглядел подозрительно довольным, и это меня сильно настораживало. Насколько я могла судить, веселили его весьма странные вещи.

– Какая? – осторожно поинтересовалась я, чувствуя, что она мне заранее не нравится.

– Дипломаты на высшем уровне иногда прибегают к одному очень хорошему средству. – Ректор сделал паузу, окинул меня таким взглядом, что бросило в жар, а потом продолжил: – Эликсир красноречия называется. Вы когда-нибудь про него слышали?

– Нет. – Я помотала головой.

– Ну и правильно. В реестре империи он приравнен к наркотическому веществу, хотя таковым не является. Но у него много побочных эффектов и дурная слава, поэтому употребляют его редко, с оглядкой и, уж конечно, никогда и никому не афишируют, к каким методам пришлось прибегнуть.

Поэтому вы и не в курсе его существования. Вот сложилась бы ваша карьера иначе, тогда, думаю, вы узнали бы про него раньше, – ехидно заметил ректор. – А так мне приходится просвещать.

– И вы мне его предлагаете? – Я испуганно округлила глаза, представив, как на мое проклятие подействует наркотик. Это же кошмар. Я вино-то употребляла с крайней осторожностью, не зная, каких вывертов ждать от своего организма.

– Я ничего не предлагаю, – сразу же открестился ректор. – Но вообще, мне кажется, эликсир красноречия – это единственный шанс уговорить бывших согруппников встретиться. Он на какое-то время делает переговорщика очень удачливым. Помогает найти нужные слова, поэтому все важные переговоры проводятся с магической защитой. В случае же с вами, думаю, эликсир просто на время нейтрализует действие проклятия, а может быть, и везения немного прибавит. Потом будет откат, конечно, но я обещаю поставить у вашей кровати тазик и пришлю профессора Сазейра, чтобы он менял у вас на лбу мокрую тряпку.

Я скривилась. Идея мне не понравилась совсем, но вот определенная истина в словах ректора была, и игнорировать свое проклятие действительно не стоило.

– Ну что, Мира? – поинтересовался Арион фон Расс. – Рискнете связаться со своими бывшими согруппниками без защиты или все же попробуете чуточку подстраховаться?

– А это действительно нужно? – Сомнения меня терзали

нешуточные. Я привыкла за последние годы быть очень осторожной. Никогда не знаешь, что окажется катализатором для новой волны неприятностей.

– Я не смею настаивать.

– А может, все же настаите? – несчастно попросила я. Самой решиться было ну очень сложно. Кто бы сказал мне три года назад, что стану такой трусихой!

– Как скажете. – Ректор плотоядно улыбнулся. – Если не сможете организовать эту встречу, я вас уволю. Достаточно настойчиво?

– Тьфу! Ну не так же! – Я надулась. Думать об увольнении не хотелось, а насколько ректор серьезен, я понять не могла, поэтому решила: – Давайте ваше гадкое зелье.

– Во-первых, оно не мое, во-вторых, не факт, что гадкое. В-третьих, у меня его нет. За ним нужно ехать в город. У меня все же магическая академия, а не лавка зельевара.

– Ой-ой... – задумчиво пробормотала я, прикидывая, как добраться до цивилизации и не попасть в передрагу. – Если я поеду после работы, то еще успею до закрытия? И, кстати, куда именно ехать и сколько это удовольствие стоит?

– Ремесленный квартал не спит даже ночью, – пояснил Арион. – Но я не пушу вас одну, вы притягиваете неприятности. Составлю вам компанию, заодно помогу подобрать гардероб. Должны же вы выглядеть на встрече выпускников прилично.

– Что? – Я даже опешила.

Одевалась я скромно, но довольно дорого. Родители подкидывали немного денег, чтобы чадо выглядело презентабельно. Видимо, все же не теряли надежду, что рано или поздно я найду мужа.

– Мира, чтобы вывести злоумышленника на чистую воду, вам нужно выглядеть успешной, красивой и счастливой. Если вы в себе ничего не меняете, они встретят затюканную серую мышь, не добившуюся в этой жизни ничего.

– Ну... – Я грустно улыбнулась. – Так оно и есть.

Слова задели. Да, я не преуспела в карьере и личной жизни, но по поводу внешности не комплексовала. Пока Ариона фон Расса не встретила.

– Мне кажется, вы учились где-то в другом месте! – Он продолжил вбивать гвозди в крышку моего гроба. – Не добились в жизни ничего, так пустите пыль в глаза! Создайте образ, а я вам помогу. Ну в счет вашей будущей зарплаты, конечно.

– О чудо! – Я не удержалась, чтобы не съязвить, так как злилась на слова про серую мышь. – Мне пообещали, что я доработаю по крайней мере до первой зарплаты! Это дольше, чем где бы то ни было!

– Не ерничайте, Мира, лучше отправляйтесь собираться.

– Так рано? – удивилась я. – Рабочий день в разгаре.

– Вечер предстоит долгий. Нам нужно достать эликсир и одежду для вас. Кстати, ваша история для одноклассников такова: у нас любовь неземная, мы души друг в друге не ча-

ем, поэтому вы бросили престижную работу, переехали в академию и полностью счастливы.

– Эта история настолько бредова, что в нее никто не поверит, – фыркнула я. – Чтобы я поменяла престижную работу на мужчину, да к тому же настолько себя старше? Нет. Не получится никого в этом убедить.

– Мир-ра... – Ректор поднялся и подошел опасно близко. – Не провоцируйте меня, пожалуйста. Мне совершенно не нравятся ваши намеки. Будьте добры, сделайте так, чтобы ваши бывшие друзья поверили. В конце концов, в ваших интересах снять проклятие.

– В моих. – Я испуганно сглотнула, но не показала виду, насколько мне страшно, а задала очень важный вопрос, от ответа на который во многом зависели мои дальнейшие действия: – И мне очень интересно, почему вы тратите так много времени и усилий на избавление меня от проклятия. Вам-то это зачем?

– Причин на самом деле несколько, – охотно ответил ректор.

Он подошел ближе. Я сделала шаг назад, но уперлась фи-лейной частью в стол. Арион нависал надо мной, словно ска-ла, а в черных глазах снова бушевало пламя. Он был красив, но какой-то особой красотой. Резкие черты лица, крупный нос и насмешливая улыбка. От его тела исходил жар, я хоте-ла ускользнуть, но не могла.

Ректор поставил руки на столешницу, почти заключив ме-

ня в объятия и тем самым отрезав мне путь к отступлению.

– И какие причины? – Я постаралась, чтобы голос звучал ровно.

– Во-первых, мне скучно. А во-вторых... – Он сделал многозначительную паузу. – Всю жизнь мечтал о романе с секретаршей. Но попадались либо дуры, либо стервы, либо страшные, как наш профессор Сазейр. Была одна симпатичная, но я ее выгнал в первый день – слишком напоминала мою бывшую жену. Какая из причин вам нравится больше, а, Мира?

– Ни одна... – пискнула я, наблюдая за тем, как ректор медленно наклоняется к моим губам. Сбежать возможности не было. Я уперлась руками ему в грудь, пытаясь оттолкнуть, но он только усилил натиск, сопротивляться которому было мучительно сложно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.